

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИТТСПИ

2023 № 2

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

2023
№ 2

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (NTSSPI)

2023

NUMBER TWO

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Члены редколлегии

Андерсон Ричард, доктор философии (PhD), профессор политологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Рыжкова Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) РГППУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University

Editorial Board

Anderson Richard, PhD, Professor of Political Science in University of California in Los Angeles.

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of Humanities of Saint-Petersburg State Polytechnic University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement, Russian State Vocational Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Ryzhkova O. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Пермяков А. А., Потапов С. А.

Оборона Моонзунда (октябрь 1917 г.) –
последнее сражение России
в Первой мировой войне..... 8

ФИЛОЛОГИЯ

Kushneruk S. L., Kurochkina M. A.

Representation of the Chelyabinsk region
in the US media 25

Андропова В. С., Будаев Э. В.

Пандемия Covid-19 в метафорическом
зеркале СМИ США..... 38

Аникина Т. В., Ступина М. А.

Структурные особенности неологизмов
в англоязычном массмедийном дискурсе..... 53

Бронникова Е. Д., Будаев Э. В.

Концептуальные признаки колоратива
bleu в СМИ Франции..... 71

Давыдкина О. Д., Дондик Л. Ю.

Стратегии перевода библионимов
(на материале англоязычных библионимов
и их перевода на русский язык)..... 85

Петрова Е. М.

Лингвистическое хеджирование
в разговорном дискурсе:
способы выражения..... 98

Информация для авторов..... 112

CONTENTS

HISTORY

Permyakov A. A., Potapov S. A.

Defense of Moonsund (October 1917) – the last battle of Russia in the First World War.....	8
--	---

PHILOLOGY

Kushneruk S. L., Kurochkina M. A.

Representation of the Chelyabinsk region in the US media	25
---	----

Andronova V. S., Budaev E. V.

COVID-19 pandemic in the metaphorical mirror of USA media.....	38
---	----

Anikina T. V., Stupina M. A.

Structural peculiarities of neologisms in English mass media discourse.....	53
--	----

Bronnikova E. D., Budaev E. V.

Conceptual features of colorative <i>bleu</i> in the French media.....	71
---	----

Davidkina O. D., Dondik L. Yu.

Biblionym translation strategies (the case of English biblionyms and their translation into Russian).....	85
---	----

Petrova E. M.

Linguistic hedging in conversational discourse: ways of expression.....	98
---	----

Submission Guidelines	112
-----------------------------	-----

ИСТОРИЯ

УДК 94(100)"1914/18"

ОБОРОНА МООНЗУНДА (ОКТАБРЬ 1917 Г.) – ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

А. А. Пермяков

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 138
Нижний Тагил, Россия
alexey-permyakov@rambler.ru

С. А. Потапов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
sergey.potapov.2011@bk.ru

Аннотация. Цель статьи – проанализировать причины, ход и последствия Моонзундского сражения (12-20 октября 1917 г.), в зарубежной литературе обычно называемого операцией «Альбион». В основе методологии данной работы лежит системный подход и традиционные методы исторического исследования: проблемно-хронологический, историко-сравнительный, метод комплексного анализа источников. В статье рассматривается ситуация на балтийском театре военных действий к осени 1917 года, планы и подготовка сторон к обороне Моонзунда, развитие военных действий на островах и в морской акватории вокруг них, результаты сражения. Особое внимание уделяется влиянию внутривойсковых факторов на боеспособность российских вооруженных сил. На основе проанализированного материала отмечается, что комбинированная операция германских армии и флота ожидаемо закончилась их победой. Однако стратегические результаты Моонзундского сражения не так однозначны, они оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие всей Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Германия, 1917, Военно-морские операции, Российский военно-морской флот, Балтика.

1. Введение

Только в октябре 1917 года военно-морские операции на Балтике переросли в единственное крупное морское сражение, в результате нападения германских армии и флота на Моонзундские острова (условное немецкое название — операция «Альбион»). Случилось это за несколько недель до большевистской революции, и данный факт во многом определил как ход

самой операции, так и её противоречивые оценки политиками, историками и экспертами; он дает право назвать эти бои последним крупным сражением России в Первой мировой войне.

При этом значение данной операции как для итогов военных действий на Восточном фронте в кампанию 1917 г., так и для стратегической эволюции всей Первой мировой войны весьма значительны и требуют дальнейшего изучения, поскольку до сих пор некоторые аспекты Моонзундского сражения вызывают неоднозначные оценки исследователей. Безусловно, крайне важно также понять влияние этих событий на ситуацию внутри российского государства в связи с последним этапом формирования причин и предпосылок Октябрьской революции, изменившей ход нашей и мировой истории.

2. Материал и методика исследования

Помимо документальных материалов, большое значение в понимании хода и итогов Моонзундской операции имеют материалы личного происхождения, которые дополняют официальную информацию и вносят в нее важные штрихи воспоминаний очевидцев и участников событий того времени: как российских, так и германских, как рядовых, так и командующих, как военных, так и политиков. Это особенно важно при анализе событий осени 1917 г., поскольку многие официальные российские документы этого времени или не сохранились, или крайне противоречивы и неоднозначны.

В исследованиях, посвященных участию России в Первой мировой войне, Моонзундской операции уделяется достаточно большое внимание. Однако в работах советского периода оценки этих событий по понятным причинам были крайне идеологизированы. В современных работах в основном рассматриваются отдельные стороны или отдельные эпизоды сражения, без попытки его всестороннего анализа.

В основе методологии данной работы лежат принципы объективности и историзма, т.е. анализ тех или иных событий и явлений как феноменов конкретной исторической эпохи. Выбор в качестве объекта исследования всего комплекса проблем, связанных с формированием причин, ходом и результатами Моонзундской операции предполагает использование системного подхода. Конкретная методика исследования включает в себя традиционные методы: проблемно-хронологический, историко-сравнительный, метод комплексного анализа источников.

3. Анализ

Причины и цели моонзундской операции по-разному формулируются в источниках и исследованиях.

С военно-стратегической точки зрения понятно, что контроль над Моонзундским архипелагом гарантировал Германии выдавливание российских сил из Рижского залива; иными словами, «успех операции коренным образом изменил бы стратегическое положение в восточной части Балтийского

моря, отдав его во владение германскому флоту — со всеми проистекавшими от этого последствиями для прилегавшего к этому морю сухопутного театра» [Косинский, 2009, с. 8].

Начальник штаба германского Десантного корпуса адмирал А. Г. фон Чишвиц в своих мемуарах уточняет, что было несколько причин, которые побудили германское командование к проведению операции «Альбион»: во-первых, стремление ликвидировать угрозу для северного крыла немецких войск со стороны моря, для чего требовалось добиться господства в Рижском заливе; во-вторых, необходимость использовать Усть-Двинск, захваченный немцами, в качестве базы для подвоза снабжения с моря [Чишвиц, 2009, с. 293-296]. Однако сам же фон Чишвиц признаётся, что в результате стремительного падения боеспособности российских армии и флота в результате революционных событий ожидать сколько-нибудь серьезных контрударов со стороны моря во фланг германских войск в Прибалтике вряд ли приходилось, и германское командование не могло этого не понимать. Следовательно, возникает серьёзный вопрос о нужности захвата моонзундских островов и тем более о привлечении к этой операции столь серьёзных сил.

В более современных работах отмечается другая важная причина операции «Альбион»: она была лишь своего рода тренировкой германского линейного флота. Особого значения Моонзундские острова для положения германских вооружённых сил на Восточном фронте не имели, и указанная в приказе германского императора необходимость обеспечения приморского фланга немецких войск была лишь прикрытием для этой «тренировки» [Больных, 2002, с. 367-368]. Усталость от войны, невозможность провести сколько-нибудь значимую операцию против Британии, монотонность будней сконцентрированных на базах экипажей линейных кораблей, порождаемая спецификой военно-морской службы, начинали вызывать брожения в германском «Флоте открытого моря». Требовалось доказать себе и обществу, что германские моряки ещё могут принести пользу Родине.

Важно поэтому вспомнить о внутривнутриполитическом значении данной операции. К осени 1917 г. положение Германии на Западном фронте было не блестящим: побед под Верденом и на Сомме в 1916 г. достичь не удалось, кроме того, в войну на стороне Антанты в апреле вступили США. Даже на Восточном фронте, где старая царская армия под действием революционной неразберихи медленно разваливалась, русские ещё пытались сопротивляться. Относительно небольшая, но правильно поданная победа могла «встряхнуть» германское общество и вооруженные силы. Поэтому столь важным для Берлина стал захват в начале сентября 1917 г. Риги. При этом более оптимистично настроенные германские «стратеги» шли ещё дальше в своих надеждах: продолжали звучать требования наступления в Прибалтике в направлении Петрограда, максимального использования деградации воен-

ных возможностей русских и в конечном счете достижения главной стратегической цели — выхода России из войны. Таким образом, операция «Альбион» приобретала серьёзный стратегический смысл и являлась громким ответом на требования активизации войны, конечно, по возможности без риска больших потерь [Косинский, 2009, с. 85-86].

В советское время подчеркивалась прежде всего ещё одна цель операции — по словам В. И. Ленина, это была «попытка удушить русскую революцию» [Ленин, 1969а, с. 347]. Следовательно, данное сражение должно было открыть дорогу на революционный Петроград. Конечно, захват столицы враждебного государства в любой войне рассматривался бы как крупный успех, который, возможно, привёл бы к быстрому сепаратному миру с Россией. Но зачем немцам было нужно ликвидировать развивавшуюся русскую революцию, которая пока полностью соответствовала стратегическим интересам Германии и без сколько-нибудь серьёзных потерь позволила бы вывести из войны одного из главных противников, дав тем самым вполне реальный и, видимо, последний шанс для победы или хотя бы приемлемого мира? Ведь Ленин был доставлен в Россию при посредничестве германских властей...

Кроме того, оккупация, даже вполне возможная в военном плане, такого крупного города, как Петроград, не говоря уже о всей огромной России, требовала таких ресурсов, которыми Германия уже вряд ли располагала. Не случайно начальник Генерального штаба, фактически главный военный руководитель Германии фельдмаршал Э. Людендорф довольно откровенно отмечает в своих мемуарах, что «удар, казалось (!), целил в Петроград, и так как у большинства людей отсутствует ясное представление о времени и пространстве, он должен был произвести там большое впечатление» [Людендорф, 2005, с. 509]. Если и была связь между замыслом Моонзундской операции и революционной ситуацией в русской столице, то она заключалась в стремлении немцев за счет ещё большего обострения ситуации на фронте ускорить разложение армии и флота противника и внутренний развал России.

Для понимания хода Моонзундской операции важно знать географические особенности балтийского театра военных действий (см. карту). Рижский залив представляет собой юго-восточную часть Балтийского моря и имеет два входа: Ирбенский пролив, шириной около 28 км, между южной оконечностью о. Эзель и материком, и Большой Зунд, или Моонзунд, шириной около 7 км — между островом Моон и эстляндским берегом. От остальной части Балтийского моря Рижский залив был отделён Моонзундскими островами [Чишвиц, 2009, с. 295]. По словам знаменитого советского адмирала Н. Г. Кузнецова «с тех пор, как на островах Эзель и Даго укрывались морские пираты, и вплоть до наших дней на Балтике не было ни одного крупного военно-политического события, в котором не сыграл бы своей роли

этот архипелаг... Стратегически важный пункт часто оказывался в поле зрения воюющих сторон» [Кузнецов, 2000, с.98].

В первый год мировой войны российский флот не предполагал использовать Моонзунд и Рижский залив в своих оперативных целях, опасаясь значительно более мощных морских сил Германии. Однако благодаря пассивности германского морского командования на Балтике в следующем 1915 г. русские корабли вернулись в залив.

Впервые германский флот начал боевые действия для прорыва в Рижский залив в конце июля – августе 1915 г. Целью данной операции являлась поддержка приморского фланга своих наступающих войск, на который оказывали сильное давление русские военно-морские силы. В результате боёв на позиции в Ирбенском проливе германским морским силам со второй попытки всё же удалось прорваться в Рижский залив и уничтожить русские канонерские лодки, нанести повреждения некоторым другим кораблям, заблокировать важный порт Пернов. Однако благодаря действиям русских (фактически британских) подводных сил (был торпедирован линейный крейсер «Мольтке») и невозможностью закрепиться в заливе германские корабли отступили [Больных, 2002, с. 342-349].

Вполне возможно, что немецкое военно-морское командование упустило тогда реальный шанс уничтожить группировку русских кораблей в этом районе, обладая несомненным превосходством в силах. Российское военно-морское командование также допустило серьезные просчёты: наряду с уже устаревшим броненосцем «Слава» можно было бы заранее ввести в Рижский залив другие, более современные корабли с дальнобойной артиллерией — они доставили бы куда больше трудностей немцам при прорыве через минное заграждение в Ирбенском проливе. Также, если бы в это время в заливе находились российские крейсера, это также значительно осложнило бы германским силам их задачи. Кроме того, не были использованы некоторые более продуктивные способы и средства минных заграждений в Ирбенском проливе, например, сдвоенные мины.

В 1916 г. почти всё внимание германского военно-морского командования было отвлечено на противоборство с британским флотом в Северном море, а после Ютландского сражения 31 мая – 1 июня говорить о каких-либо крупномасштабных наступательных действиях на Балтийском морском театре не приходилось: многие немецкие корабли получили тяжёлые повреждения и потеряли много опытных офицеров и матросов [Козлов, 2009, с. 4].

К тому же российское морское командование извлекло некоторые уроки из боевых действий августа 1915 г. и поспешно укрепляло свои позиции в Рижском заливе. Так, был углублён до 30, а затем и до 40 футов Моонзундский пролив, что позволяло свободно вводить в залив броненосцы, а также, по некоторым предположениям, и дредноуты. Кроме того, в Рижский залив был направлен броненосец «Цесаревич», крейсера и новейшие нефтя-

ные эсминцы. Ещё в 1915 г. часть Ирбенского пролива была заграждена затопленными судами и двойными минами. Оборона самих островов к 1917 г. также стала гораздо сильнее. Особое значение придавалось тому факту, что уже весной могла действовать начатая постройкой в ноябре 1916 года мощная 12-дюймовая батарея у Цереля, прикрывающая вход через Ирбенский пролив; несколько более легких батарей были закончены еще раньше [Граф, 1997, с. 130-132, 306]. Тем не менее и в 1916 г. небольшие по своему масштабу боевые действия всё же происходили: германские тральщики пытались протралить вход через минное заграждения в Ирбенах, а германские подводные силы и авиация провели несколько атак на российские корабли.

Летом 1917 г. после тяжелых боев германские войска заняли Ригу и, следовательно, сложилась довольно странная ситуация — германский флот отстает от армии в своем наступлении вдоль балтийского берега. Такое положение дел не устраивало германское военно-морское командование. В результате началось планирование операции «Альбион», которое в силу разных приходящих обстоятельств, как уже говорилось, приобретает всё более серьезные масштабы.

Немцами прежде всего был учтён опыт операции 1915 г.: для закрепления в данном районе предполагалось высадить мощный десант на крупных островах Моонзундского архипелага, т. е. задумывалась изначально совместная операция армии и флота. Всего для участия в ней германское командование привлекло примерно две трети всего своего флота: 10 дредноутов, в т. ч. новейший «Байерн» с 15-дюймовой артиллерией, 1 линейный крейсер, 9 лёгких крейсеров, 51 эсминец, 5 подводных лодок, 207 небольших кораблей и катеров (тральщики, заградители, минные транспорты, противолодочные и сторожевые корабли), десятки пароходов транспортного флота, 6 дирижаблей, 94 самолёта. Десантный корпус состоял из 42-й пехотной дивизии вместе с частями усиления: всего 24600 человек, 120 артиллерийских орудий и миномётов, 220 пулемётов, 3 гидроаэроплана [Чишвиц, 2009, с. 536-539]. В целом по числу привлеченных боевых кораблей «Альбион» значительно превзошел все десантные операции Первой мировой войны, включая высадку союзников в Дарданеллах в 1915 г.

Со стороны русских данной группировке противостояло 2 устаревших эскадренных броненосца, 2 броненосных крейсера, 1 бронепалубный крейсер, 25 эсминцев (12 нефтяных и 13 угольных), 3 британских подводных лодки, 3 канонерские лодки. Основу 39 батарей (но из них половина зенитные) Моонзундской позиции составляли 56 орудий калибром от 120 до 305 мм. Сухопутный гарнизон Моонзундских островов состоял из частей 107 и 118 пехотных дивизий, а также частей морской пехоты Балтийского флота и частей Пограничной стражи — 15 батальонов, 5 эскадронов, 60 орудий и 140 пулемётов; кроме того, на островах также базировалась морская авиация – 30 самолётов [Олейников, 2017, с. 12; Косинский, 2009, с. 66-67]. Необходимо от-

метить, что и 107-я, и 118-я пехотные дивизии были соединениями 3-й очереди формирования, сформированными из ополченческих дружин только летом 1915 г., и явно не относились к лучшим частям российской армии. К тому же 107-я дивизия имела вместо артиллерийской бригады только дивизион, а 118-я вообще не имела в штате отдельных артиллерийских подразделений [Офицеры русской императорской армии].

11 октября 1917 г. группировка германских кораблей, предназначенная для прорыва в Рижский залив и высадки десанта на Моонзундских островах, отправилась в район проведения операции. В тот же день немецкие тральщики начали расчищать от русских мин проход через Ирбенский пролив. 12 октября линкоры «Кёниг Альберт» и «Фридрих дер Гроссе» завязали перестрелку с русской 12-дюймовой батареей на мысе Церель и более мелкими батареями укрепрайона Сворбе. Под таким мощным прикрытием немецкие тральщики успешно продолжили свою работу. В этот же день десантная флотилия вместе с кораблями прикрытия вошла в бухту Тага-Лахт и высадила сухопутные силы на острове Эзель.

Одновременно германские главные «силы прикрытия» вели бой с русскими батареями в районе высадки десанта и на Кассарском плёсе при входе в пролив Соэлозунд, между главными островами архипелага Эзель и Даго. Во время этого столкновения на русских минах подорвались и получили незначительные повреждения линкоры «Байерн» и «Гроссер Курфюрст». В тот же день линкор «Байерн» и крейсер «Эмден» совместно с группой эсминцев полностью подавили русские батареи при входе в пролив, а затем они участвовали в прикрытии эсминцев, прорывавшихся в Рижский залив. «Байерн», команда которого не сразу смогла определить тяжесть повреждения от подрыва на русской mine, всё же отправился для ремонта в Киль. В результате боев германских и русских эсминцев (русские корабли поддерживались канонерскими лодками, а германские огнём линкоров и крейсеров, не имевших возможности из-за большой осадки пройти Соэлозунд) 12 – 14 октября был потоплен по неподтверждённым данным один и различные повреждения получили ещё 5 германских эсминцев. Русские потери в ходе этих боёв, имевших определяющий характер, составил героически сражавшийся эсминец «Гром», повреждения получили ещё три эсминца.

14 октября против батареи Цереля был направлен линкор «Фридрих дер Гроссе», а утром на помощь этой батарее прибыл русский броненосец «Цесаревич» с 3 эсминцами, однако он уже ничего не смог сделать: она капитулировала, исчерпав свои возможности вести огонь, и в результате высадки немцев на остров. 16 октября немецкие тральщики завершили свою работу в Ирбенском проливе, в результате германские линкоры «Кёниг» и «Кронпринц», лёгкие крейсера и эсминцы вошли в Рижский залив. Одновременно с этим немецкие сухопутные части полностью заняли Эзель, главный остров архипелага.

В это же время на Кассарском плёсе снова появились германские эсминцы и тральщики, которые подверглись обстрелу со стороны броненосца «Слава» и броненосного крейсера «Адмирал Макаров». Итогом этого боестолкновения стали повреждения 2 германских эсминцев от артиллерийского огня и гибель 1 эсминца от подрыва на mine. 17 октября немецкие сухопутные части переправились по Ориссарской дамбе на остров Моон и развернули наступление. Одновременно германские тральщики начали работу на подступах к Моонзундскому проливу со стороны Рижского залива.

На помощь тральщикам пришли немецкие линкоры, и разгорелось крупное морское сражение. Итогом данного боя были серьезные повреждения броненосца «Цесаревич» и броненосного крейсера «Баян», а также затопление героического броненосца «Слава», который получил несколько попаданий с германских линкоров, из-за увеличившейся осадки уже не мог пройти Моонзундом (что оспаривается рядом историков) и был затоплен [Виноградов, 2020, с. 79]. Немцы в этом сражении потеряли на русских минах 1 эсминец. Результатом данного решающего для операции боя стал отход крупных русских кораблей из Рижского залива через Моонзунд.

В ночь с 17 на 18 октября германские эсминцы вновь проникли на Кассарский плёс, однако потеряли на минах ещё один эсминец. В это же время русскими в Моонзундском канале с целью заграждения его фарватера были затоплены 3 транспорта, а минные заградители совместно с эсминцами поставили там же новые минные заграждения. Вместе с затопленным броненосцем «Слава» это создало настолько надежное препятствие, что неприятельский флот даже не пытался использовать Моонзунд для прорыва в Финский залив и дальше к Петрограду, что стало важнейшим положительным результатом действий российского флота.

18 октября была короткая безрезультатная перестрелка германских эсминцев с отходящими российскими кораблями; в тот же день российский флот эвакуировал гарнизоны с островов Моон и Даго. 19 октября российский флот покинул Рижский залив. 20 октября немцами был окончательно оккупирован северный остров Даго, а десантом был занят остров Шильдау [Больных, 2002, с. 370-384].

Таким образом, Моонзундское сражение 1917г. положило конец почти двухсотлетнему русскому военному присутствию на островах Моонзундского архипелага и в Рижском заливе. Советский флот вернется на них только через 22 года.

Германский флот в этом сражении, даже если смотреть немецкие источники, понёс серьезные потери, составившие около 20 % корабельной группировки, участвовавшей в операции. Было потоплено, выбросилось на берег или пропало без вести 9 миноносцев, 5 тральщиков и искателей мин, 1 глиссер; повреждения получили 3 линкора, 4 эсминца, 4 тральщика и искателя мин, 4 транспорта. Людские потери составили 130 человек убитых и без вести пропавших на флоте и 54 в армии, раненых 191 человек на флоте и 141

человек в сухопутных частях. Русские потери составили: потоплены 1 броненосец, 1 эсmineц, 3 транспорта; повреждения получили 1 броненосец, 1 броненосный крейсер, 3 эсминца; в плен попало 20130 чел., в основном из гарнизона островов [Чишвиц, 2009, с. 539-540].

В чём же кроются причины неудачи русских морских сил Рижского залива в Моонзундском сражении 1917 г.?

Прежде всего необходимо отметить, что Февральская революция и ее последствия негативно повлияли на моральное состояние и боеспособность российских вооружённых сил. Сразу после революции на многих кораблях и в базах Балтийского флота произошли массовые убийства адмиралов и морских офицеров. Однако справедливости ради стоит отметить, что на кораблях, предназначенных для действий в Рижском заливе, накануне сражения таких беспорядков не было. «Это были корабли много плававшие и часто входившие в соприкосновение с неприятелем. Команды были более сплочены, лучше знали своих офицеров и, находясь не один раз в тяжелых боевых переделках, научились ценить начальников... Все эти [революционные] известия команды приняли совершенно спокойно; ни на одном корабле не возникло беспорядков, и ни одного морского офицера не было убито. Служба на кораблях не только не опустилась, но стала еще строже... Было полное желание воевать, и о мире никто не хотел и слышать...» [Граф, 1997, с. 286-287].

Однако даже на этих кораблях разложение морального состояния команд всё же происходило, хотя значительно медленнее, чем везде. Так, перед началом операции команда «Славы» требовала замены их корабля в Рижском заливе на любой другой броненосец. [Косинский, 2009, с. 77-79]. Уже во время сражения команды кораблей, находящихся в Финском заливе, обсуждали, нужно ли идти на помощь морским силам Рижского залива. При этом голоса разделились: те, чьи корабли могли пройти Моонзундским проливом, голосовали «против», чьи корабли не могли — «за» [Широкоград, 2010, с. 272]. Во время сражения команда минного заградителя «Припять» преступно отказалась ставить мины в Созлозунде, что крайне негативно сказалось на боевой обстановке: немецкие эсминцы получили все шансы прорваться в Моонзунд [Больных, 2002, с. 375]. Деятельность «матросских советов», имевших право обсуждать решения командования, ограничение полномочий и подрыв авторитета офицеров, которые часто были вынуждены не приказывать, а «уговаривать» матросов выполнять важнейшие приказы — всё это, конечно, серьёзно подрывало боеспособность кораблей и частей Балтийского флота.

Но надо признать, что в армейских частях гарнизона островов Моонзундского архипелага процесс разложения шёл гораздо быстрее. Направляемые на острова части были неоднократно замечены в грабежах местного населения ещё на территории материковой части Прибалтики, а после вы-

садки немцев многие из них оказывали в лучшем случае символическое сопротивление и быстро сдавались частям германской армии [Керсновский, 1994, с. 324]. Совет флагманов Балтийского флота по итогам операции подчеркивал: «...Сухопутные части потеряли всякую сопротивляемость воле противника. От начала до конца эта операция полна примеров полного упадка духа наших войск и чрезвычайной восприимчивости к панике и бунту обезумевших от страха людей». Безусловно, на флоте и даже в армии были случаи настоящего героизма и самопожертвования (команды «Славы», «Грома», знаменитая батарея 12-дюймовок № 43 на мысе Церель, бойцы «батальона смерти» капитана 2 ранга П.О. Шишко на Мооне и др.), но гораздо больше примеров другого рода — неспособность или даже нежелание оказывать сопротивление противнику [Олейников, 2017, с. 12].

Всё это, конечно, полностью противоречит оценкам советских историков, которые подчеркивали, что «многие адмиралы и старшие офицеры были яркими корниловцами и не хотели оборонять острова», в то время как «революционные матросы и солдаты проявили высокое боевое искусство, мужество и героизм» [История Первой мировой войны, 1975, с. 376, 387]. Как было тогда заведено, эти оценки становились неоспоримыми после ссылок на В. И. Ленина, который писал: «Воюют геройские матросы, но это не помешало двум адмиралам скрыться перед взятием Эзеля!! Факты — упрямая вещь. Факты доказывают, что адмиралы способны предавать не хуже Корнилова» [Ленин, 1969б, с. 404]. В результате создавались красивые легенды, например о том, как матрос эсминца «Гром» Федор Самончук торпедировал и потопил германский миноносец (это не подтверждается источниками). После убийств командиров весной 1917г., в том числе командующего флотом адмирала А. И. Непенина, морального состояния флота и армии на Моонзундских островах стоит удивляться не тому, что некоторые офицеры, в том числе командующий сухопутными силами контр-адмирал Д. А. Свешников, дезертировали, а что большая часть флотских офицеров во главе с командующим Морскими силами Рижского залива вице-адмиралом М. К. Бахиревым выполнила свой воинский долг.

При этом сводить все причины поражения российских сил к «моральному фактору» неправильно. Очевидны серьезные просчёты российского флотского и армейского командования накануне операции, переоценившего собственные возможности и явно недооценившего возможности и целеустремленность противника, особенно после падения Риги.

Оборона островов Моонзундского архипелага была подготовлена весьма слабо. Бухты, в которых предполагалась высадка немецкого морского десанта, были защищены батареями, которые были построены на открытых мысах и были очень быстро уничтожены огнём германской корабельной артиллерии; имело смысл размещать их в глубине бухт, откуда они могли вести огонь по немецким тральщикам и десантным судам. В этих же бухтах можно было бы разместить манёвренные базы для легких сил флота,

а при невозможности этого сделать, их нужно было бы плотно заминировать и заблокировать затопленными судами. Ключевая батарея 12-дюймовых орудий на мысе Церель не могла контролировать огнём бухту Лео, откуда германские корабли могли ей угрожать; кроме того, орудия этой батареи стояли открытыми, защищёнными только лёгкими брустверами [Косинский, 2009, с. 14-16, 24-27]. Окопы для пехотных частей были открыты не везде и только для стрельбы «с колена», проволочные заграждения также были установлены в ограниченном количестве. Кроме того, войска были разбросаны по всему Эзелю, в то время как их следовало бы сосредоточить недалеко от мест предполагаемой высадки. Не была налажена чёткая система взаимодействия между командованиями сухопутных сил и флота. В целом Моонзундская позиция не была должным образом укреплена и укомплектована людьми и вооружением и не соответствовала своей роли и статусу в обороне подступов к столице российского государства. Задачи по её созданию и укреплению решались уже в ходе войны и в тех объёмах, который позволяла военная обстановка и активность противника [Баширова, 2015, с. 49-50].

Бросается в глаза и тот очевидный факт, что в этом сражении русскими не были использованы главные силы Балтийского флота. Бои за Моонзундские острова, по сути, было борьбой за Передовую позицию, прикрывавшую вход в Финский залив. Для сражения на этой позиции предполагали использовать устаревшие эскадренные броненосцы; два из них уже находились в Рижском заливе, но туда также можно и нужно было ввести более современные корабли «Император Павел I» и «Андрей Первозванный». Подводные лодки, несмотря на всю логичность просьб об этом адмирала Бахирева, почему-то также не были посланы в Рижский залив, а они могли серьёзно осложнить положение германской корабельной группировки. Наконец несмотря на то, что возможность использования четырех дредноутов типа «Севастополь», главных сил флота, рассматривалась, они ни в каком виде не были привлечены к операции. Даже при количественном и качественном (особенно в подготовке экипажей) превосходстве германских линкоров они смогли бы отвлечь на себя значительную часть сил противника, при этом их даже не нужно было вводить в Рижский залив: имелась теоретическая возможность нанести отвлекающий удар по германским силам, участвовавшим в высадке, и сразу отступить в Финский залив. Это была бы достаточно рискованная, но оправданная с оперативной точки зрения операция: применение тактики «кусай и беги» в той ситуации вполне могла быть успешной. Однако командование, учитывая, видимо, прежде всего состояние экипажей дредноутов, наиболее «революционизированных» из всех, на неё не решилось.

Ещё одним важным фактором, предопределившим исход операции, стал отказ британского командования на протяжении практически всего

1917 г. от активных действий линейных сил с целью отвлечь на себя основные силы немцев. Командующий германским главным «Флотом открытого моря» адмирал Р. Шеер отмечает: «Факт посылки столь значительной части флота далеко на восток и его пребывания там в течение целой недели должен был со всей ясностью показать нам, намерен ли был английский флот помешать этой операции или же он воспользуется отсутствием кораблей для энергичного нападения в Северном море. В последнем случае нам пришлось бы с оставшимися в Северном море морскими силами отбивать атаку... Если же английский флот попытался бы предпринять демонстрацию в Балтийском море, то мы были бы поставлены перед дилеммой — либо прервать нашу операцию на востоке, либо выйти навстречу английскому флоту, но лишь со слабыми силами. Однако английский флот не выказал склонности предпринять ни ту, ни другую операцию и отвлечь нас от захвата островов» [Шеер, 2002, с. 441-442].

Конечно, было весьма сомнительно, чтобы британские линкоры стали прорываться в Балтийское море. Однако демонстративные операции у германского побережья могли бы отвлечь германские линейные корабли из Балтики: противостоять британскому Гранд Флиту в море хоть с какими-то шансами на успех мог только сосредоточенный германский Флот Открытого моря, половина которого была задействована в операции «Альбион». А то, что на такие демонстративные акции немцы всегда отвечали выходом крупных кораблей в море, подтверждается хотя бы крупным сражением в Гельголандской бухте 17 ноября 1917 г.

Почему британское командование ничего не сделало для поддержки тогда ещё союзника в настолько тяжелой ситуации? Конечно, прямого «заговора об отдаче Питера немцам», как писал В. И. Ленин [Ленин, 1969а, с. 347], не было. Англичане, видимо, просто не понимали или не хотели понимать значимости происходивших на Востоке событий и не захотели активизировать свои операции: вряд ли в Лондоне осознавали всю глубину разложения российских вооруженных сил и в очередной раз предпочли не рисковать, наблюдая за развитием ситуации.

4. Заключение

В военном плане результаты Моонзундской операции были вполне ожидаемы. Количественное соотношение сил показывало полное превосходство Германии, что с учетом неготовности батарей, неопытности и, главное, началом процесса разложения многих экипажей кораблей и, особенно, сухопутных частей предопределило результаты боев.

Данная операция имела большое стратегическое значение, так как её успешный исход позволил Германии не только овладеть Моонзундским архипелагом и установить полный контроль над Рижским заливом, но и обеспечить условия для наступления на Петроград с моря, блокировав Российский флот в Финском заливе. Германский фельдмаршал П. Гинденбург от-

мечал: «Операция против Эзеля является единственной совершенно удавшейся совместной операцией [германских] армии и флота» [Цит. по: Олейников, 2017, с.12].

Однако если оценивать итоги Моонзудской операции в перспективе, вызывают вопросы её стратегические итоги для Германии. Рассматривая её в качестве начального этапа наступления на Петроград, как это довольно часто делали тогда и теперь, очевиден вывод о том, что «Альбион» не выполнил этих задач, как из-за неожиданно высоких потерь самих немцев, так и из-за показанной российским флотом пока ещё сохранившейся способности оказывать сопротивление. В этой связи есть даже соблазн считать Моонзудскую операцию последней победой русского флота в Первой мировой войне.

При этом также очевидны серьёзные сомнения как в отношении германских планов продолжать наступательные действия в направлении российской столицы, так и в отношении способности Балтийского флота и тем более армии продолжать и дальше вести сколько-нибудь серьёзные военные действия. Моонзудская операция, несмотря на некоторые позитивные моменты, всё же наглядно доказала неспособность России продолжать войну, показала быстро прогрессирующее падение боеспособности российских вооруженных сил. Тем самым она только ускорила начало Октябрьской революции: очевидно, что для большевиков чем тяжелее была ситуация на фронте, тем легче было организовать вооружённое восстание и захватить власть.

Список литературы

Баширова, Л. В. Моонзудская укрепленная позиция Балтийского театра военных действий в период Первой мировой войны / Л. В. Баширова. – Текст: непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 4. – № 2. – С. 45–50.

Больных, А. Г. Морские битвы Первой мировой. Трагедия ошибок / А. Г. Больных. – Москва : АСТ, 2002. – 448 с. – Текст : непосредственный.

Виноградов, С. Е. Последний бой линкора «Слава» / С. Е. Виноградов. – Текст : непосредственный // Морской сборник. – 2010. – № 1 (1954). – С. 70–80.

Граф, Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию / Г. К. Граф. – Москва ; Санкт-Петербург : Гангут, 1997. – 488 с. – Текст : непосредственный.

Золотарёв, В. А. Три столетия российского флота. Т. 2. XIX – начало XX в. / В. А. Золотарев, И. А. Козлов. – Москва, Санкт-Петербург : АСТ – Полигон, 2004. – 750 с. – Текст : непосредственный.

История Первой мировой войны: в 2 томах. Т. 2 / Под ред. И. И. Ростунова. – Москва : Наука, 1975. – 608 с. – Текст : непосредственный.

Керсновский, А. А. История русской армии : в 4-х томах. Т. 4 / А. А. Керсновский. – Москва : Голос, 1994. – 368 с. – Текст : непосредственный.

Козлов, Д. Ю. Стратегическое затишье: некоторые подробности кампании 1916 года на Балтийском море / Д. Ю. Козлов. – Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 3. – С. 3–9.

Косинский, А. М. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года / А. М. Косинский, Ф. Г. фон Чишвиц. – Текст : непосредственный // Моонзунд 1917. Последнее сражение русского флота. – Москва : Яуза : Эксмо, 2009. – С. 5–278.

Кузнецов, Н. Г. Курсом к победе / Н. Г. Кузнецов. – Москва : Голос, 2000. – 656 с. – Текст : непосредственный.

Ленин, В. И. Письмо Питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 34. Июль – 1917. – Москва : Политиздат, 1969а. – С. 347–348.

Ленин, В. И. Письмо к товарищам. Написано 28 (31) октября 1917 г. / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 34. Июль – 1917. – Москва : Политиздат, 1969б. – С. 398–418.

Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. / Э. Людендорф. – Москва : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – 800 с. – Текст : непосредственный.

Олейников, А. В. Кампания 1917 года на русском фронте Первой мировой войны // А. В. Олейников. – Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 2. – С. 4–15.

Офицеры русской императорской армии. Электронная база данных. – URL: <https://www.ria1914.info/index.php/Формирования> (дата обращения: 02.07.2023). – Текст : электронный.

Чишвиц, А. Г. Захват Балтийских островов Германией в 1917 году // А. М. Косинский, Ф. Г. фон Чишвиц. – Текст : непосредственный // Моонзунд 1917. Последнее сражение русского флота. – Москва : Яуза : Эксмо, 2009. – С. 292–534.

Шеер, Р. Германский флот в Мировую войну / Р. Шеер. – Москва : Эксмо, Изографус, 2002. – 672 с. – Текст : непосредственный.

Широкоград, А. Б. Германия. Противостояния сквозь века / А. Б. Широкоград. – Москва : Вече, 2010. – 400 с. – Текст : непосредственный.

Получена: 23.04.2023

Принята: 24.05.2023

DEFENSE OF MOONSUND (OCTOBER 1917) – THE LAST BATTLE OF RUSSIA IN THE FIRST WORLD WAR

A. A. Permyakov

Municipal budgetary general educational institution
secondary school No. 138
Nizhny Tagil, Russia
alexej-permyakov@rambler.ru

S. A. Potapov

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute
(branch) of the Russian State Vocational pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
sergey.potapov.2011@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the causes, course and consequences of the Moonsund battle (October 12-20, 1917), which is usually called Operation Albion in foreign literature. The methodology of this work is based on a systematic approach and traditional methods of historical research: problem-chronological method, historical-comparative method, the method of complex analysis of sources. The article deals with the situation in the Baltic theater of operations by the autumn of 1917, the plans and preparation of the parties for the defense of Moonsund, the development of hostilities on the islands and in the sea area around them, the results of the battle. Particular attention is paid to the influence of internal political factors on the combat effectiveness of the Russian armed forces. Based on the analyzed material, it is noted that the combined operation of the German army and navy, as expected, ended in their victory. However, the strategic results of the Moonsund battle are not so unambiguous, they had a serious impact on the further development of the entire First World War.

Key words: World War I, Russia, Germany, 1917, naval operations, Russian Navy, Baltic.

References

- Bashirova, L. V. (2015). Moonzundskaja ukreplennaja pozicija Baltijskogo teatra voennyh dejstvij v period Pervoj mirovoj vojny [Moonsund fortified position of the Baltic theater of military operations during the First World War]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 4(2), 45–50.
- Bolnykh, A. G. (2002). *Morskie bitvy Pervoj mirovoj. Tragedija oshibok* [Marine battles of the First World War. The tragedy of mistakes]. Moscow: AST.
- Vinogradov, S. E. (2010). Poslednij boj linkora «Slava» [The last battle of the battleship «Slava»]. *Morskij sbornik*, 1 (1954), 70–80.
- Graf, G. K. (1997). *Na «Novike». Baltijskij flot v vojnu i revoljuciju*. [On the «Novik». The Baltic Fleet in War and Revolution]. Moscow, St. Petersburg: Gangut.

Zolotarev, V. A. (2004). *Tri stoletija rossijskogo flota. XIX – nachalo XX v.* [Three centuries of the Russian fleet. XIX – beginning of XX century]. Moscow, St. Petersburg: AST - Polygon.

Istorija Pervoj mirovoj vojny (1975). [History of the First World War]. – Moscow: Nauka.

Kersnovsky, A. A. (1994). *Istorija russkoj armii* [History of the Russian army]. Moscow: Golos.

Kozlov, D. Y. (2009). Strategicheskoe zatish'e: nekotorye podrobnosti kampanii 1916 goda na Baltijskom more [Strategic lull: some details of the 1916 campaign on the Baltic Sea]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 3, 3–9.

Kosinsky, A. M. (2009). *Moonsundskaja operacija Baltijskogo flota 1917 godaj* [Moonsund operation of the Baltic Fleet in 1917]. Moscow: Yauza: Eksmo.

Kuznetsov, N. G. (2000). *Kursom k pobede* [Heading for victory]. Moscow: Golos.

Lenin, V. I. (1969a). *Pis'mo Piterской gorodskoj konferencii dlja prochtenija na zakrytom zasedanii* [Letter of the St. Petersburg City Conference for Reading at a Closed Session]. In *Complete Works*, vol. 34. July – 1917 (pp. 347–348). Moscow: Politizdat.

Lenin, V. I. (1969b). *Pis'mo k tovarishham. Napisano 28 (31) oktjabrja 1917 g.* [Letter to comrades. Written on October 28 (31), 1917]. In *Complete Works*, vol. 34. July – 1917 (pp. 398–418). Moscow: Politizdat.

Ludendorff, E. (2005). *Moi vospominanija o vojne 1914-1918 gg.* [My memories of the war of 1914-1918]. Moscow: AST; Minsk: Harvest.

Oficery russkoj imperatorskoj armii. Jelektronnaja baza dannyh [Officers of the Russian Imperial Army. Electronic database]. Retrieved from: <https://www.ria1914.info/index.php/ Formations>.

Oleynikov, A. V. (2017). Kampanija 1917 goda na russkom fronte Pervoj mirovoj vojny [Campaign of 1917 on the Russian front of the First World War]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2017, 4-15. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=28768626>.

Chischwitz, A. G. (2009). *Zahvat Baltijskih ostrovov Germaniej v 1917 godu* [Capture of the Baltic Islands by Germany in 1917]. Moscow: Yauza: Eksmo.

Scheer, R. (2002). *Germaniskij flot v Mirovujju vojnu* [The German fleet in the World War]. Moscow: Eksmo, Izografus.

Shirokorad, A. B. (2010). *Germanija. Protivostojanija skvoz' veka* [Germany. Confrontations through the centuries]. Moscow: Veche.

Общая схема района Моонзундской операции [Олейников, 2017, С. 8]

Submitted: 23.04.2023

Accepted: 24.05.2023

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.111:316.77:070

REPRESENTATION OF THE CHELYABINSK REGION IN THE US MEDIA

S. L. Kushneruk

Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
svetlana_kush@mail.ru

M. A. Kurochkina

South-Ural State Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russia
kma1974@yandex.ru

Abstract. The role of the foreign media is crucial in representation of the domestic issues. The objective of the authors is to reveal and analyze frame structures, textualized in the American media, covering the life of the Chelyabinsk region. The study mainly draws on World Modelling theory and Strategic framing theory, hence the most relevant linguistic methods and techniques are discourse analysis, framing analysis, interpretative analysis, the contextual and syntagmatic analysis. Macroframes, frames, slots, enhancing the aspects of the media image of the backbone Russian city of Chelyabinsk, are systematized. The research contributes to media linguistics and urban studies. In practical terms, it provides a deeper understanding of the problems that negatively affect the reputation of the city and require strategic decisions on the part of the local administration.

Keywords: media linguistics, mediatization of communication, representation, industrial city, Chelyabinsk, American media

1. Introduction

The role of media communication in transforming processes of society is closely associated with mediatization. It manifests itself through the growing influence of the media on all spheres of culture and society making public those aspects of life that deserve special attention. The problems of the South-Ural region with the capital city of Chelyabinsk have recently been under increasing coverage in the world media, which makes it crucial to analyze the media reality, generated in the world press discourse. The research could result in developing an adequate strategy for promoting the Chelyabinsk region in the media sphere and ensuring a favorable perception of the seventh largest industrial city of Russia.

In the last decade, the number of media texts about the South Ural region of Russia has increased significantly. Due to the openness of the 'global village', representations of the Chelyabinsk region in the world media contribute to making it part of a global society system. According to the analytical agency Smyslografiya, through 2011–2016 period the Chelyabinsk region was shortlisted in the top 10 rating of perception of Russian regions by leading foreign media [URL: <https://up74.ru/articles/news/93956/>]. At the same time, migration from the seventh largest Russian industrial city has dramatically increased by 2018 [URL: <https://74.ru/text/gorod/2021/05/31/69942407/>]. Why does the cosmopolitan city face a depopulation crisis?

The authors want to find out how the image of a strategically significant Russian region is constructed by American newsmakers. The authors focus on the issues related to the Chelyabinsk region that have been discussed in the American media, including social problems, and their effects on the reputation of the territory.

The research is designed to provide a rationale for media representations of Chelyabinsk as one of the major Russian industrial regions in the American media. To do this, the authors draw on the tenets of discourse analysis [Van Dijk, 2016], cognitive linguistics [Babina et al., 2017], and the theories, explaining the processes and results of the mental and linguistic representations of reality in discourse and their role in modeling social interaction [Entman, 1993; Van Gorp, 2005]. The authors also take into account some premises, shared by Russian scholars, in the field of mediatization and its effects in communication [Gureeva, 2016; Klushina, 2018].

The present research develops the project initiated by a group of scholars at Chelyabinsk State University in 2021, which revealed the specificity of media representations of social problems in twin-cities [Koval'chuk, 2021; Kushneruk, 2021; Mamonova, 2021; Asmus et al., 2021; Novikova, 2021; Samkova, 2021]. The cognitive aspect of the digital communication of the Chelyabinsk region administration has been subject to linguistic analysis as well [Kurochkina et al., 2022].

The authors aim to study various aspects of the industrial region life that proved newsworthy in the American press, and systematize frames as the basis for the representation of Chelyabinsk to a foreign reader. The mediatization of the life of a large industrial city of the Russian Federation is analyzed in the aspect of profiling frame structures in the discourse-world. In media communication, frames function by offering schemas of interpreting situations or events, which makes public particular issues.

The materials for the analysis have been retrieved from the American press during the period from 2010 to 2021. The total number of texts is 271 units, containing 482 tokens of 'Chelyabinsk'. The identification of how ideas about the Chelyabinsk region are formed in the discourse of the American media is based on the analysis of the syntagmatic relations of the lexeme.

2. Materials and methods

The reality is interpreted through mental representations, which enable people to conceive the world beyond their reach. The notion of *representational structures* is used in World Modelling Theory [URL: https://discourse-world.ru/electronic-library/stati_na_angliyskom_yazyke/], which mainly draws on European and Russian advances in discourse studies and cognitive linguistics [Ogneva et al., 2022; Ogneva, 2019; Van Dijk, 2016; Gavins et al., 2016].

World-modelling is defined as structuring information about reality in the form of texts, united either by a particular topic, or function, or communicative intentions of the agents of discourse, which induce mental representations of varying degrees of conceptual complexity [Kushneruk, 2019].

Representational structures are mental constructs in nature. They arise from the needs of communication and project in discourse certain ‘pictures of reality’. Employing the term ‘representational structures’, the authors argue that complex mental constructs are textualized. They relate to the processes and results of reality representation in accord with the intentions of communication.

Following text world theorists (J. Gavins, E. Ogneva, N. Tincheva, P. Werth), we distinguish between two types of representational structures — discourse-worlds and texts-worlds — and see them as cognition-bound constructs resulting from organizing mental structures in discourse, which ‘simulate a reality’ [Tincheva 2018, p. 298].

In the present paper, we focus on the discourse-world of the city and propose an approach to studying representation of the Chelyabinsk region in the US media through the analysis of frames.

3. Discourse-world of the city as a representational structure

The *discourse-world of the city* is modeled on the basis of messages about the South Ural region of Russia. It is defined as a fragment of reality that presents a dynamic system of meanings about its capital Chelyabinsk and the whole region, projected in the American media discourse. The *discourse-world of the city* is objectified in an aggregate of texts having reference to different aspects of the cosmopolitan city life [Asmus et al., 2021, p.101].

The *discourse-world* is considered to be a semantic macrostructure. As the idea of multilayering of conceptual structures is supported by modern scholars, we stipulate that the discursive structure can be characterized through the prism of multidimensionality, i.e. encompassing both simple and complex conceptual components [Babina et al., 2017]. With this in mind, within the conceptual space of the discourse-world we single out different frame-types, which contribute to world-modelling and its effects. World-modeling is realized by means of framing, which highlights particular aspects of life over others. Framing can induce a variety of understandings of an issue.

Framing is a process of making some aspects of a perceived reality more salient than others [Budaev et al., 2022; Entman, 1993]. It is a potent tool of persuasion and forming attitudes. We distinguish between *generic* and *issue-specific*

frames that shape the public opinion and understanding of the urban life [de Vreese, 2005; Godefroidt et al., 2016; Kushneruk, Kurochkina 2022; Semetko et al., 2000]. Generic frames describe general features of news that can apply across different topics, times and cultural contexts, while issue-specific frames apply to a certain issue, subject or topic [Godefroidt et al., 2016, p. 781].

As we focus on the media representation of Chelyabinsk region in the American media discourse, the identification of macroframes, frames and slots seems relevant. The prefix *macro-* designates a conceptually complex structure, containing generic and issue-specific elements, which are textualized in the American press. Macroframes are treated as the ‘cognitive pillars’ of the discourse-world. They consist of a variety of frames co-existing within the conceptual space of the discourse-world. Frames are specified by slots emphasizing a certain aspect of an issue. Media framing is considered to be a process, which is aimed at ‘nudging’ recipients towards particular attitudes and social positions. The configurations of the conceptual elements mentioned above constitute the ‘idiosyncrasy’ of the discourse-world of the city.

Analyzing the media texts about the Chelyabinsk region, the authors rely on *The Policy Frames Codebook*, which contain fourteen categories of frame dimensions, including *Cultural identity frames* and *Security and defense frames*. According to the research, both categories can be «applicable to any policy issue» and «in any communication context» [Boydston et al., 2014, p. 6-7]. *Cultural identity frames* relate to the social norms, trends, customs, values of a culture. *Security and defense frames* centre around threats to security, protection of a society (individuals, in-groups, nation). We employ these dimensions to the news stories about the Chelyabinsk region.

4. Analysis

Cultural identity

The macroframe draws on characteristics of a group of people that are united by their specific cultural code, behaviour, and thinking patterns. The people of the South Ural share a sense of belonging to their territory and possess a distinct culture, cultural symbols, values, traditions, events, policy issues. The main constituent frames used in news coverage of the Chelyabinsk region are «Culture», «Economy», «Authorities», and «Sport».

The **Culture** frame evolves representations of the capital city, its current development, symbols and events of the urban life. The list of characteristics Chelyabinsk is associated with is represented by the identifiers focusing on: its location, e.g. ‘*the Urals city of Chelyabinsk*’, ‘*the Russian city of Chelyabinsk in the southern Urals*’; history, e.g. ‘*the historic Russian city of Chelyabinsk*’; industry, e.g. ‘*an industrial city at the footsteps of the Ural Mountains*’; secrecy, e.g. *formerly secret city*. It is primarily represented as a historical and industrial city, located in the southern Ural part of Russia.

One of the iconic cultural symbols of the capital city is the monument to the «father» of the nuclear bomb I. V. Kurchatov, erected in 1986 for the 250th anniversary of the city. The reference to the Soviet times is observable in the context. Cf.: *A remarkable Soviet-era monument lies on the outskirts of the formerly secret city of Chelyabinsk*. (Bulletin of the Atomic Scientists, 21.10.2021). A detailed description of the monument is given, which emphasizes its size (*a larger-than-life statue of Igor Kurchatov*) and the symbolic meaning (*two monolithic slabs of granite depicting the foundational nuclear-weapons event: the splitting of the atom*). Fig. 1.

Fig.1 – Monument to Igor Kurchatov in Chelyabinsk

Few cultural events of Chelyabinsk have been mentioned in the American press. In 2015, it was a house made of thousands of champagne bottles, built by a resident in one of the villages of the Chelyabinsk region. The father built the house in memory of his passed away son. The event became newsworthy because of its original design, due to which the object was called *an architectural oddity*.

Two more newsworthy events happened in 2021 when the pandemic was in full swing. The first featuring an 83-year-old Chelyabinsk woman appeared in the online edition of Vogue Italia after overcoming COVID-19 (entrepreneur.com, 20.03.2021). The pandemic resulted in the decrease of the cultural «distance» between different parts of the world and the «convergence» of the concepts of *global* and *local*, opening up opportunities for the South Ural city to participate in the Mercedes Benz Fashion Week Russia world fashion week. Cf.: *There was also a special introduction of talent from the Ural region of Russia. Participants in the Long Fashion Weekend in Chelyabinsk got a chance to impress a much wider audience* (Forbes, 28.04.2021).

The development of the regional capital city was discussed in 2017 due to the masterplan, chosen by the City Administration of Chelyabinsk to activate the

city's existing grid structure. Against this positive backdrop, an acute social problem came to be obvious. Cf.: *Similar to many medium-sized Russian towns, Chelyabinsk has been a victim of urban migration* (ArchDaily, 4.02.2017). The metaphor 'victim' is very strong in the context. It implies that the city suffers from the increasing social problem. In fact, many young people move from the region to the 'urban hubs' such as Moscow and St. Petersburg. The transformation of the historic Russian city of Chelyabinsk is a plausible way of its development. The change is seen as an upgrade that could generate interest from the young people and other residents.

The **Economy** frame draws attention to various types of industry, with the leading role assigned to the metallurgical and the nuclear, which constitute the main sectors of the economic life of the region. Obviously, the industrial output is given particular priority. Cf.: *The Chelyabinsk Pipe Rolling Plant, The Ural Instrument Engineering Plant in Chelyabinsk*, etc. Media sources describe the production of pipes for Nord Stream 2, which is the main gas pipeline from Russia to Germany through the Baltic Sea: *The logo of the Nord Stream 2 gas pipeline project is seen on a pipe at the Chelyabinsk pipe rolling plant in Chelyabinsk, Russia*.

The Chelyabinsk region is also associated with the site allocated for the processing of nuclear waste sent from the Andreyeva Bay. Cf.: *For 15 years, specialists from Russia, Norway, Sweden, the UK, and Italy have been working on systems to handle spent nuclear fuel in the Andreyeva Bay and to have it removed from there. Thus, in summer 2017, the spent nuclear fuel would be uploaded and will be taken gradually to the Mayak plant in the Urals' Chelyabinsk region for further processing* (TASS, 13.04.2017).

Another important aspect of the Economy frame is the **Jobs** slot. It is reported that job opportunities have been created for citizens of Kazakhstan, bordering the region in the southeast. Cf.: *Although the Russian and Kazakh economies are reeling from the slump in the price of oil – both countries' main export – nearby Russian cities such as industrial Chelyabinsk remain a magnet for job seekers* (Voice of America, 4.03.2016). The city is metaphorized as a 'magnet' that attracts labor migrants.

The **Power** frame provides interpretations of the interaction between local leaders and the President of the country. Thus, 2020 was the year when the activity of the President during the pandemic and his decisions in relation to the regions were discussed in the foreign media. Cf. the headline: *As Russia reopens, Putin takes a back seat to local leaders*. The idiom 'to take a back seat' means to occupy an inconspicuous place, play a secondary role. American journalists claim that the Russian President is making a conscious choice to abandon the image of the head of state who permanently remains in control of 'the vertical of power'.

2019 publications yield contexts that reveal details of punishment in the prisons of Chelyabinsk emphasizing improper detention conditions for prisoners. The reference to the precedent name *Gulag* accentuates the injustice on the part of the

prison staff who are called 'successors / heirs of the Gulag'. Cf. headline: ***Heirs Of The Gulag? Russia's Prison System Faces Harsh Scrutiny*** (RadioFreeEurope, 3.02.2019).

Activation of the **Sport** frame indicates the successful performance of the South Ural athletes, mainly in hockey, boxing and speed skating. The frame is induced in the media discourse due to precedent names, the names of leading sports teams and clubs, as well as sports events. Cf.: [Kravtsov] *the 21-year-old is back home in Chelyabinsk, Russia; Kravtsov going back to Russia after five games to play for Traktor Chelyabinsk in the KHL; Traktor Chelyabinsk, a Russian team in the Kontinental Hockey League; ice hockey world championship in Chelyabinsk in Russia* (New York Post, 17.10.2021).

The American press consistently keeps Sergey Kovalev (known as *Krusher*), the former world champion in the light heavyweight category, in the spotlight. He is known to be the only Russian in history to win the title of the best boxer of the year according to The Ring magazine. Cf.: *Sergey Kovalev Isn't A Gangster; He's Russian* (Deadspin, 17.11.2016).

Security and defence is another macroframe that stands out in the media coverage of Chelyabinsk. This macroframe contributes to the understanding of threats and dangers, namely natural, anthropogenic, technogenic, social and socio-biological, as well as ways to protect people in the environment of an industrial region.

The **Natural hazard emergencies** frame has the key slot *Meteor impact*. This semantic field has been built up as a result of the reports on the event that became a universal precedent in 2013. According to Associate Professor of Chelyabinsk State University S. Zamozdra (TIME magazine refers to) the size of the space object was more than 600 kg. Cf.: *We think the whole thing weighs more than 600 kg». Sergey Zamozdra, an associate professor at Chelyabinsk State University, told the Interfax news agency that the chunk is probably one of the 10 biggest meteorite fragments ever recovered.* (TIME, 16.10.2013). The cited characteristic places the fireball in the top ten largest ever observed (cf. the headline: *Meteorite Pulled From Russian Lake Is One of World's Biggest*).

Since that time, the precedent situation has been firmly fixed, establishing the association based on the model «Chelyabinsk» — «meteorite explosion». «Anchoring» on the above mentioned fact frequently occurs in the American media to denote a threat from outer space, which poses a danger to the whole world.

The fall of the Chelyabinsk meteorite triggers the launch of an international information campaign and the adoption of the Asteroid Day declaration at the UN (June 30, 2016), which aims to raise people's awareness of the asteroid danger and its prevention (cf. *Asteroid Day is an annual reminder of threats to the Earth*). This fact leads to the multiple discursive actualizations of the Security and defence macroframe in a range of publications.

The **Anthropogenic emergencies** frame specifies situations threatening people's livelihoods, which in a broad sense arise as a result of the activities of

humans themselves. In the period under review, they are not numerous with only a gas explosion in a residential building (2019) and an oxygen explosion followed by a fire in a hospital (2020) to quote. Cf.: *The baby is the fifth person pulled alive from the collapsed block in Magnitogorsk, an industrial city in Russia's Chelyabinsk region near the border with Kazakhstan*. <...> *Gas blasts have become a relatively common occurrence in Russia over recent years as the country struggles to cope with aging Soviet-era infrastructure and loose safety requirements, according to Reuters*. (myfox8.com, 1.01.2019).

The **Technogenic emergencies** frame generates meanings about incidents caused by the use of technologies in production or in other words accidents at industrial enterprises.

Consequently, the American media tackle the problems and threats posed by the nuclear industry many of which are rooted in the Soviet past. Chelyabinsk, along with Windscale (northern England, 1957), The Three Mile Island (USA, 1979) and Chernobyl (Ukraine, 1986), appears on the list of places historically «marked» by nuclear accidents. An error at the Mayak processing plant (Ozersk) in 1957 led to an explosion and contamination of an area of 20 thousand square kilometers, which was not indicated on any map. Cf.: *In 1957 a mistake in the reprocessing plant led to an explosion that contaminated 20,000 square kilometres – an area that did not appear on any map. Nor did the nearby town of Chelyabinsk, which was a so-called 'secret' or 'closed town' for Mayak nuclear complex workers*. (Greenpeace International, 29.09.2017).

The region has been called *'a dumping ground for nuclear waste by the Soviet Union'*. The lake Karachay is considered to be *'one of the most polluted sites on Earth'*. It is so toxic that, according to measurements in 1990, one hour spent on the beach is enough to receive a lethal dose of radiation. More than 20 years have passed since then. One would like to hope for changes for the better.

The **Nuclear catastrophe** slot is regularly objectified due to the precedent situations of the previous years. In a wider range of journalistic practices, Russia is presented as a source of radioactive danger to Europe. Cf. headline: *Mysterious 2017 radioactive cloud over Europe originated in Russia, researchers say. The nuclear release most likely originated in the Mayak reprocessing plant, in the Chelyabinsk region near the border with Kazakhstan, the report stated*. (SFGate, 30.07.2019). According to the publication, a nuclear emission occurred at the Mayak plant in the Chelyabinsk region near the border with Kazakhstan.

In the period from 2018 to 2021 the **Social emergencies** frame shows the life of Chelyabinsk by depicting the activity of local opposition cells preparing for protests against the legitimate government, and actions against Navalny's associates. Particularly indicative in this regard are the contexts containing statistics. Cf.: *Navalny Detained In Moscow At Anti-Putin Rally. Additionally, 164 were detained in Chelyabinsk and 63 in Tolyatti*. (RadioFreeEurope/RadioLiberty, 5.05.2018). During this period attacks on supporters of the oppositionist are also

reported. Cf.: *On Thursday, a Navalny ally was beaten up by unidentified attackers in the Urals city of Chelyabinsk.* (International Business Times, 10.09.2020).

The media presentation is designed to evoke readers' sympathy for the victims of violence and at the same time condemn the actions of the authorities. The following context highlights the ill-treatment at the hands of the security officers. Cf.: *In Chelyabinsk, more than 1,000 miles east of Moscow, one man shouted that he "can't breathe" as security forces pinned him to the ground.* (Washington Post, 31.01.2021).

The **Pandemic** slot is the most significant within the **Socio-biological emergencies** frame. It is conspicuous in 2020 in connection with the problems following the spread of coronavirus. Curiously enough the American media turn a blind eye to the achievements of Russian medicine, instead they focus on the controversial issues related to the fight against infection.

This is especially noticeable in the headline that points up the fact that in Russia it is doctors who belong to the category of vaccination skeptics. It must be recognized as an appeal to authority. Cf.: *Every country has vaccine skeptics. In Russia, doctors are in their ranks.* The main text of the publication contains the words of a representative of the junior medical staff, who, like his colleagues, takes a wait-and-see attitude. Cf.: *"I've recently recovered from Covid-19, so I still have antibodies", said Natalya Romanenko, a nurse in the Chelyabinsk region. "None of my colleagues are planning on getting it now. I might get it later, but first we need to see how people manage with it".* (CNN on MSN.com, 23.12.2020).

5. Conclusion

The present research focuses on the discourse-world framework of the Chelyabinsk region through the prism of American media. Being a view from the outside and at a distance mediatization of the region targets its most salient features both positive and negative that are epitomized in a system of frame structures among which the most critical macroframes are the **Cultural identity** and the **Security and defence** ones. They provide a thorough many-sided vision of ongoing events. They are considered as conceptually complex mental and linguistic constructs realized by aspectual frames with a focus on particular manifestations of life.

The **Cultural identity** macroframe is structured by frames that generate ideas about culture, economy, power, sports, which are further detailed in corresponding slots. Over the last eleven years the image of the industrial region of Chelyabinsk has been molded through the interpretation of cultural symbols and events, types of industry, especially metallurgical and nuclear, interaction of the President with local authorities. The city is predominantly associated with sports such as hockey, boxing and speed skating.

The **Security and defence** macroframe brings to the fore the issues of natural, technogenic, anthropogenic, social and socio-biological nature related to the activities of the region at present and in the Soviet times. The life of the metropolis

is represented mainly through situations that have received the status of precedent. The key ones are the meteor impact, accidents at nuclear plants, opposition protests, and the coronavirus pandemic.

To crown it all, this particular study reveals essential features of urban identity in general by systematizing its inherent cognitive components in terms of the Cultural identity and the Security and defence macroframes. In case of the Chelyabinsk region both macroframes turn out to be equally detailed in the media context with the Security and defence macroframe carrying predominantly negative connotations as the nature of the frame suggests.

The authors believe that further research into the mediatization of the life of Chelyabinsk in the mass media of different countries is quite promising and will yield a “picture from the outside”. It seems promising to audit media representations of the metropolis in the foreign media in order to detect and review the problems that negatively affect the reputation of the city and require strategic decisions on the part of the local administration.

References

Asmus, N. G., Zhurkova, M. S., Koval'chuk, L. P., Kushneruk, S. L., Mamonova, N. V., Novikova, A. M., Oliz'ko, N. S., Rykova, O. V. & Samkova, M. A. (2021). *Medijnaja reprezentacija social'nyh problem gorodov-pobratimov* [Media representation of the social problems of twin cities]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.

Babina, L. V., Bezukladova, I. Ju., Beljaevskaja, E. G. & Besedina, N.A. (Ed.) (2017). *Interpretacija mira v jazyke* [World interpretation in language]. Tambov.

Boydston, A. E., Card, D., Gross, J. H., Resnik, P. & Smith, N. A. (2014). *Tracking the development of media frames within and across policy issues*. Retrieved from <http://www.cs.cmu.edu/~nasmith/papers/boydstun+card+gross+resnik+smith.apsa14.pdf>

Budaev, E. V., Kushneruk, S. L. & Kurochkina, M. A. (2022). *Kommunikativnoe soprovozhdenie massovyh protestov v SMI* [Communicative support of mass protests in the media]. Saint-Petersburg: Naukojomkie tehnologii.

De Vreese, C. H. (2005). News framing: Theory and typology. *Information Design Journal*, 13(1), 50–63.

Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58.

Gavins, J. & Lahey, E. (Eds.). (2016). *World Building: Discourse in the Mind*. London: Bloomsbury.

Godefroidt, A., Berbers, A. & d'Haenens, L. (2016). What's in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. *The International Communication Gazette*, 78 (8), 777–801.

Gureeva, A. N. (2016). Teoreticheskoe ponimanie mediatizacii v uslovijah cifrovoj sredy [Theoretical understanding of mediatization in the digital environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 10. Zhurnalistika*, 6, 192–208.

Klushina, N. I. (2018). *Mediastilistika* [Mediastylistics]. Moscow: Flinta.

Koval'chuk, L. P. (2021). Osobennosti konstruirovaniya smyslov v zagolovkah SMI gorodov-pobratimov (na materiale novostnyh sajtov Cheljabinskoy oblasti i grafstva Nottinghamshira) [Features of constructing meanings in the media headlines of twin cities (based on the news sites of the Chelyabinsk region and the county of Nottinghamshire)]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*, 1(86), 379–381.

Kushneruk, S. L. & Kurochkina, M. A. (2022). Urban Identity Through the Prism of Media Framing. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1005–1019.

Kurochkina, M. A. & Kushneruk, S. L. (2022). Kognitivnyj aspekt cifrovoj kommunikacii administracii promyshlennogo goroda [Cognitive aspect of digital communication of the administration of an industrial city]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*, 4(51), 710–714.

Kushneruk, S. (2019) World-modelling in advertising discourse: pragmatic aspects. *Calidoscópico*, 17 (2), 263–281.

Kushneruk, S. L. (2021). Zakon i porjadok kak social'naja problema v diskurse gorodskogo izdaniya [Law and order as a social problem in the discourse of a city media]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvистики*, 7(1), 33–48.

Lundby, K. (2014). 1. Mediatization of Communication. In K. Lundby (Ed.), *Mediatization of Communication* (pp. 3–38). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.

Mamonova, N. V. (2021). Vlijanie globalizacii na molodjozh' (na materiale mediadiskursa Cheljabinska) [The impact of globalization on young people (based on the media discourse of Chelyabinsk)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4(42), 80–87.

Merenkov, A. V., Danilova, A. V., Korableva, G. B. & Rakevich, E. V. (2015). *Social'noe prostranstvo sovremennogo goroda* [Social space of the modern city]. Ekaterinburg: UrFU. Retrieved from <https://e.lanbook.com/book/98731>

Novikova, A. M. (2021). Frejmovyj analiz kak metod postroeniya mediakartiny goroda [Frame analysis as a method of constructing a media picture of the city]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvистики*, 7(3), 28–39.

Ogneva, E. A., Stepanova, L., Chikovani, T. V. (2022). Modeling of text and discourse worlds. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8(1), 79–92.

Ogneva, E. A. (2019). *Koncepty-dominanty kak informativnye konstrukty tekstovyh mirov* [Dominant concepts as informative constructs of text worlds]. Moscow: Jeditus.

Samkova, M. A. (2021). Frejmirovanie v opyte medijnogo konstruirovaniya obraza goroda [Framing in the experience of media construction of the image of the city]. *Politicheskaja lingvistika*, 5(89), 157–167.

Semetko, H. A. & Valkenburg, P. M. (2000). Framing European politics: A content analysis of press and television news. *Journal of Communication*, 50(2), 93–109.

Tincheva, N. (2018). Discourse world-profiling expressions: Contrasting data from British and Bulgarian political speeches. In *Language Close Up* (pp. 297–317). Sofia: Sofia University Press.

Van Dijk, T. (2016). Sociocognitive Discourse Studies. In J. Richardson & J. Flowerdew (Eds.) *Handbook of Discourse Analysis* (pp. 1–26). London: Routledge.

Van Gorp, B. (2005). Where is the frame? Victims and Intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication*, 20(4), 484–507.

News cites

<https://up74.ru/articles/news/93956/>

<https://74.ru/text/gorod/2021/05/31/69942407/>

Submitted: 02.04.2023

Accepted: 24.05.2023

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В СМИ США

С. Л. Кушнерук

Челябинский государственный университет

Челябинск, Россия

svetlana_kush@mail.ru

М. А. Курочкина

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Челябинск, Россия

kma1974@yandex.ru

Аннотация. Зарубежные СМИ играют значительную роль в репрезентации внутренних проблем российских регионов. Задача данного исследования – выявление и анализ фреймовых структур в текстах СМИ США, освещающих жизнь Челябинской обла-

сти. В методологическом плане исследование опирается на положения теорий когнитивно-дискурсивного миромоделирования и стратегического фреймирования. Авторы производят дискурсивный и фреймовый анализ, применяя интерпретативный и контекстуальный метод, а также метод анализа синтагматических отношений. В результате исследования систематизируются макрофреймы, фреймы и слоты, выделяющие ключевые аспекты медийного образа Челябинска, одного из крупнейших российских городов. Полученные выводы вносят вклад в медиалингвистику и урбанистику. В практическом плане проведенный анализ дает более глубокое понимание проблем, негативно влияющих на репутацию города-миллионника, и требующих стратегических решений со стороны местной администрации.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатизация коммуникации, репрезентация, промышленный город, Челябинск, американские СМИ.

Получена: 02.04.2023

Принята: 24.05.2023

УДК 81'373.612.2

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ СМИ США

В. С. Андропова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
rina@gmail.com

Э. В. Будаев

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
aedw@rambler.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению метафорической репрезентации COVID-19 в текстах СМИ США. В качестве материала исследования использованы метафорические контексты из СМИ США за период с декабря 2019 по декабрь 2020 года. Исследование проведено в русле когнитивно-дискурсивного подхода, подразумевающего анализ метафоры как ментального феномена в лингвистическом и экстралингвистическом контексте СМИ. Как показал анализ, в СМИ США доминируют три сферы-источника метафорической концептуализации пандемии: WAR, IN-ANIMATE NATURE, ANIMALS. Активное использование военной метафоры при описании коронавируса объясняется сходством военных действий с борьбой человечества против COVID-19: коронавирус концептуализируется как враг, с которым человечество ведет войну и несет при этом большие потери. Метафоры природы оказались востребованы для отражения смыслов внезапности начала эпидемии, волнообразной природы появления новых штаммов и разрушительности последствий, сопоставимых с последствиями природных катаклизмов. Метафоры животных отражали страх перед пандемией, подобный страху, испытываемому людьми перед агрессивными животными. Таким образом, среди метафор оказались востребованы те образы, которые позволили обнаружить аналогии между уже знакомыми феноменами и новой реальностью, в которой оказалось человечество. Именно метафоры войны, стихий и диких животных позволили актуализировать прагматические смыслы внезапности и разрушительности пандемии, а также необходимости сплотить усилия для противостояния инфекции.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафоры природы, милитарные метафоры, зооморфные метафоры, метафоры животных, COVID-19, коронавирус, СМИ США.

1. Введение

Пандемия COVID-19 стала одной из самых серьезных проблем, с которыми столкнулось человечество в последние годы. Пандемия затронула

не только сферу охраны жизни и здоровья людей, но и вызвала потрясения во многих других областях общественной жизни. Эти потрясения, как в зеркале, отразились в коммуникации, о чем свидетельствуют многочисленные исследования лингвистов, отмечающих новообразования в языках по всему миру [Будникова, Иванова, 2021; Воскресенская, Гулик, Малышева, 2022; Громенко, 2021; Пнджоян, Будаев, 2022; Сергеева, 2021; Amiruddin, Yassi, Sukmawaty, 2021; Holland, Lewis, 2021].

Так как COVID-19 является новым феноменом, не имевшем прецедентов за последние десятилетия, в массовом сознании формируются новые когнитивные структуры, направленные на концептуализацию пандемии. Важным инструментом для осмысления неизвестного на основе известного служит метафорическая концептуализация, что объясняет повышенную метафоричность дискурса СМИ в период пандемии [Piredda, 2023]. Метафоры в нарративе «COVID-19» вызывают широкий интерес современных исследователей, многие из которых фиксируют большую востребованность метафор войны. В частности, данная сфера-источник была обнаружена в СМИ России и многих европейских стран [Балашова, 2020; Мозжерина, Будаев, 2023; Чарыкова, Федотова, 2022; Fernández-Pedemonte, Casillo, Jorge-Artigau, 2020; Lukacovic, 2020; Sirait, Seva, Lingga, 2020]. Сопоставительное исследование метафор огня как средства осмысления пандемии в нидерландском, английском, немецком, греческом, итальянском и испанском было проведено Е. Семино [Semino, 2021]. Природоморфные метафоры как способ метафорического описания эпидемии изучены на примере русскоязычного [Сизых, 2023] и англоязычного медийного дискурса [Будаев, Ковалева, Щербинина, 2022]. Ведущие метафорические модели в пандемическом дискурсе СМИ ФРГ рассмотрены Н. А. Трофимовой [2022].

Как показывает обзор, исследователи уделяют значительное внимание изучению способов метафорической концептуализации пандемии в СМИ разных стран мира. Вместе с тем в этой проблеме остаётся много белых пятен. В настоящем исследовании изучаются ведущие метафорические модели, актуализированные в пандемическом дискурсе США.

2. Материал и методика исследования

Материалом для настоящей работы послужил корпус из 100 метафор, использованных в СМИ США («Le Figaro», «Libération», «Le Monde»). Хронологические рамки охватывают период (2020–2023 гг.).

Методология настоящего исследования основывается на постулатах когнитивно-дискурсивной парадигмы (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова) и когнитивной теории метафоры (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов и др.). Помимо когнитивного метода использовались описательный метод, метод выборки, систематизация, метод метафорического моделирования, дискурсивный анализ.

3. Когнитивная метафора в дискурсе СМИ

Изучение концептуальных метафор в СМИ получило широкое распространение в современной лингвистике. Повышенный интерес к когнитивной метафоре, в первую очередь, обусловлен новым подходом к метафоре, заложенным в теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980]. Основная идея данной теории сводится к тому, что метафора рассматривается не только как языковое явление, но и как механизм мышления, то есть как когнитивный феномен. Согласно теории концептуальной метафоры при метафорическом моделировании происходит взаимодействие двух структур знаний: сферы-источника и сферы-мишени. Элементы сферы-источника, включающие в себя базовый источник знаний, опыт взаимодействия человека с окружающей средой, структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень.

В современной метафорологии когнитивный подход к метафоре часто дополняется дискурсивным подходом. Суть дискурсивного подхода сводится к тому, что метафору необходимо рассматривать не только в лингвистическом, но и в экстралингвистическом контексте [Чудинов, Будаев, 2006]. Важность дискурсивного анализа в исследовании когнитивной метафоры связана с тем, что многое в смысле метафорических контекстов обусловлено политическими, экономическими, культурологическими и другими ситуативными факторами, а не только структурой когнитивной системы человека. Контекст может определять, какую роль метафора играет в высказывании и как она воспринимается реципиентами. Метафоры могут быть непонятными не только без текстового, но и без внетекстового контекста. Этим определяется важность учета экстралингвистических факторов при анализе когнитивной метафоры. Целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами.

Взаимосвязь когнитивного и дискурсивного подходов получила широкое распространение в отечественной лингвистике, а сам синтезированный подход получил название когнитивно-дискурсивного подхода. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры, которая одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен. Преимущество когнитивно-дискурсивного подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний [Чудинов, Будаев, 2006].

Использование когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафор включает описание роли метафоры в концептуализации образов и рассмотрение особенностей её функционирования в реальной коммуникации с не-

возможностью разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход к метафоре позволяет более глубоко понять, как метафоры создаются и применяются в речевой деятельности, а также анализируется их связь с нашими представлениями о мире и социокультурным контекстом.

Исследования дискурса способствуют нашему пониманию социальных реалий, существующих в области политики, экономики, здравоохранения и других сфер жизни. Дискурс создает широкий контекст, без которого смысл метафоры невозможно в полной мере описать. Лингвистический контекст позволяет отсортировать неактуальные значения рассматриваемой лексемы, в то время как дискурсивный контекст наполняет метафору смыслами, формируемыми пониманием текущих общественных реалий. По этой причине изучение концептуализации коронавируса возможно только в конкретных дискурсивных условиях.

С началом эпидемии журналисты в СМИ США пытались осмыслить новую реальность, прибегая к метафорическим сравнениям, помогающим представить события в понятиях, хорошо знакомых читателям из предыдущего опыта, потому что когнитивная метафора предполагает, что наше понимание абстрактных и сложных концепций строится на основе более конкретных и знакомых, широко распространенных в конкретной культуре образах. Таким образом, роль метафоры может быть определена как механизм осмысления действительности. Вместе с тем выбор метафор влияет на наше восприятие и понимание информации, которую мы получаем через медиа, что в свою очередь может влиять на поведение людей, поэтому важно анализировать и осознавать, какие метафоры применяются и как они могут формировать наше понимание событий и явлений.

4. Ведущие сферы-источники метафорической экспансии в СМИ США

Как показал анализ, в СМИ США доминируют три сферы-источника метафорической концептуализации пандемии: WAR, INANIMATE NATURE, ANIMALS. Рассмотрим подробнее каждую из них.

4.1. Сфера-источник INANIMATE NATURE

Наиболее востребованными образами в рассмотренных медиатекстах были метафоры природных стихий, позволяющие представить эпидемию, как природное бедствие. Так, в следующих контекстах коронавирусную эпидемию концептуализируют с помощью образа волн. Метафора *wave* актуализирует прагматический смысл циклического характера обострения эпидемии

How a third wave of COVID-19 engulfed the US (USA Today, 03.12.2020). – Как третья волна COVID-19 захлестнула США. Ср.:

America faces outbreaks of coronavirus in most communities as waves of disease strike places blasted by earlier surges and those previously spared (USA Today, 03.12.2020). – Америка сталкивается со вспышками коронавируса в

большинстве мест, по мере того как волны заражения поражают уже как пострадавшие города, так и те, которые они обошли.

Вторая группа примеров, содержащих лексему *wave*, актуализирует смысл разрушительного характера воздействия водной стихии. Ср.:

COVID-19's second wave is here — and it's brutal (The New York Post, 04.12.2020). – *Вторая волна Covid-19 уже здесь – и она жестока.*

She fears the pandemic's second wave has fully arrived in New York, and many more will soon be infected (The New York Post, 04.12.2020). – *Она опасается, что вторая волна пандемии окончательно накрыла Нью-Йорк, и вскоре многие будут инфицированы.*

And, while the first wave of the pandemic continued to wreak havoc on Americans... (Fox News, 23.12.2020). – *И в то время как первая волна пандемии продолжала сеять хаос среди американцев...*

The World Health Organization warned that the virus is rapidly spinning out of control in Europe and the region has reached a tipping point to contain a coronavirus second wave (USA Today, 17.10.2020). – *Всемирная организация здравоохранения предупредила, что вирус быстро выходит из-под контроля в Европе, и регион почти не может сдержать второй волны коронавируса.*

Несмотря на то, что общество знает о надвигающейся «волне», остановить ее «нарастание» и «распространение» невозможно. Таким образом, метафора волны подчеркивает тот факт, что меры, принятые правительством для замедления распространения вируса, не смогли остановить рост числа случаев заболевания, а сам характер явления носит естественный и необратимый характер.

Также к водной стихии относится метафора *surge* (всплеск), используемая для обозначения новых вспышек эпидемии. Ср.:

Texas, which got hit hard in the summer surge, is again experiencing staggering growth (USA Today, 03.12.2020). – *Техас, сильно пострадавший от летнего всплеска, снова переживает ошеломляющий рост (заражения).*

The spring surge was centered on New Orleans and urban areas in the Northeast (USA Today, 03.12.2020). – *Весенний всплеск был сосредоточен в Новом Орлеане и городских районах на северо-востоке.*

The summer surge primarily rocked SunBelt states such as Texas, Arizona and Florida (USA Today, 03.12.2020). – *Летний всплеск в основном потряс штаты «солнечного пояса»: Техас, Аризону и Флориду.*

After the summer surge peaked in July, most of the Midwest and Great Plains states remained relatively unscathed by the coronavirus (USA Today, 03.12.2020). – *После того, как летний всплеск достиг своего пика в июле, большинство штатов Среднего Запада и Великих равнин остались относительно не пострадали от коронавируса.*

Кроме метафор из сферы-источника WATER эпидемия представляется с помощью образов других стихийных бедствий. В следующем примере актуализируется образ лесного пожара. Лесные пожары хорошо знакомы жителям США (эта стихия регулярно обрушивается на юго-западные штаты), поэтому данный образ вполне подходит для осмысления нового явления через уже знакомый аудитории концепт. Ср.:

Instead, COVID-19 had already spread like wildfire throughout the country and the globe — with New York City being the epicenter in the US (The New York Post, 23.04.2020). – *Вместо этого COVID-19 уже распространился подобно лесному пожару по стране и всему земному шару — эпицентром в США стал Нью-Йорк.*

Covid inevitably finds its way in here. At which point it spreads like wildfire (The New Yorker, 24.03.2020). – *Ковид неизбежно проникает сюда. Сейчас он распространяется, как лесной пожар.*

Why did it spread like wildfire in Italy, thousands of miles from its initial epicenter, in Wuhan, while India appears so far to have largely been spared? (The New Yorker, 28.03.2020). – *Почему он (вирус) распространяется, как лесной пожар, в Италии, за тысячи миль от своего первоначального эпицентра в Ухане, в то время как Индию, кажется, пощадил?*

Основанием для метафоризации в приведённых примерах послужила высокая скорость распространения лесного пожара, сопоставляемая с высокой скоростью распространения Covid-19. Дальнейшее развертывание фрейма пожара активизирует слоты, хранящие информацию о методах противодействия стихии огня. Ср.:

Stamping out the virus could take decades — if it happens at all» (The Washington Post, 27.05.2020). – *Истребление вируса может занять десятки лет, если это вообще когда-нибудь получится.*

Глагол *to stamp out* означает «затаптывать огонь», таким образом борьба с эпидемией осмысляется как борьба с огнем. При переводе отнесенность метафоры к сфере-источнику FIRE теряется.

Метафоры пожара актуализируют не только смысл высокой скорости распространения эпидемии, но и подчеркивают разрушительные последствия, сопоставимые с последствиями от пожаров.

В целом метафоры природных стихий подчёркивают естественный характер эпидемии и ее большую мощь, с которой у человека зачастую не хватает сил бороться. Метафоры стихий позволяют делать вывод о том, что борьба с Covid-19 – неравная, а последствия эпидемии носят неизбежный и неконтролируемый характер. Журналисты регулярно используют данные образы для того, чтобы передать масштабы заражения и беспомощность человечества.

Помимо общих черт, можно выделить специфичные черты метафор стихий. Если образы водных стихий чаще использовались для описания

цикличности новых вспышек заболевания, то метафоры огня подчеркивали высокий темп заражения и разрушительность последствий.

4.2. Сфера-источник WAR

Общество беспокоили не только масштабы заражения, но и потери, которые несло человечество. Для концептуализации утрат и убытков, вызванных эпидемией, журналисты регулярно сравнивали Covid-19 с военными действиями. Ср.:

We are in a war of the Everyman (USA Today, 28.05.2020). – *Мы на войне, в которой участвует каждый.*

We're at war with a highly contagious global virus, a pandemic, commonly known as the coronavirus (Fox News, 13.05.2020). – *Мы воюем с очень заразным глобальным вирусом, пандемией, широко известной как коронавирус.*

Coronavirus is at war with us (Fox News, 13.05.2020). – *Коронавирус воюет с нами.*

Концептуальная метафора CORONAVIRUS IS WAR служит не только для формирования негативного образа коронавирусной инфекции как врага, но и подчеркивает высокий уровень человеческих потерь в этой «войне». Ср.:

Six months into a pandemic that has killed more than 400,000 people globally (The Washington Post, 17.06.2020). – *Шесть месяцев с начала пандемии, которая убила более, чем 400,000 человек по всему миру.*

In our fight against the coronavirus, 100,000 Americans are dead (USA Today, 28.05.2020). – *В битве против коронавируса погибли сто тысяч американцев.*

Дальнейшее развертывание военной метафорической модели позволяет говорить о том, что, если борьба с эпидемией — это война, то роль авангарда армии отводится медицинскому персоналу. Репрезентация докторов как солдат подчеркивает важность их миссии и героизм, которые они проявляют в борьбе с коронавирусной инфекцией, рискуя своими жизнями и работая сверх нормы. Ср.:

Doctors and nurses do battle not only against the disease – they battle exhaustion, too (USA Today, 10.04.2020). – *Доктора и медсестры сражаются не только с болезнью, они борются и с измождением*

Соответственно метафорической логике модели основной ареной военных действий становятся госпитали. Ср.:

A look inside one hospital on the front lines of the coronavirus pandemic (USA Today, 10.04.2020). – *Взгляд на госпиталь, расположенного на линии фронта коронавирусной пандемии.*

In tents, emergency rooms and intensive care units, a war is taking place (USA Today, 10.04.2020). – *В палатках, отделениях неотложной помощи и интенсивной терапии идет война.*

Несмотря на то, что война и её мотивы в целом чаще представлены негативно, «сражение» с Covid-19 представлено как позитивное и этически правильное действие: нужно выиграть войну ради общего блага.

The face of the enemy has changed but not our resolve (Fox News, 13.05.2020). – *Изменилось лицо врага, но не наша решимость.*

There seems to be this notion that we have beaten this thing down because we've put in two whole months of sacrifice (USA Today, 28.05.2020). – *Бытуем мнение, что мы победили эту штуку (вирус), потому что мы жертвовали собой целых два месяца.*

При этом все человечество оказывается союзниками в войне против общего врага. Ср.:

We have a common enemy, actually, an enemy of the World, the Corona-Virus. We must beat it as quickly and safely as possible (Fox News, 13.05.2020). – *У нас есть общий враг, на самом деле, враг всего мира – коронавирус. Мы должны победить его как можно быстрее и безопаснее.*

В медиадискурсе США COVID-19 изображается как враг, который убивает людей, но в то же время некоторых он способен пощадить. Пощада от врага – главная загадка событий, осмысляемых в понятиях войны. Ср.:

The ultimate covid-19 mystery: Why does it spare some and kill others? (The Washington Post, 17.06.2020). – *Главная загадка Covid-19: почему он щадит одних и убивает других?*

Милитарная метафора призвана сплотить население против вражеского нашествия. Побеждает тот, кто выживает дольше всех и сражается упорнее. Основной посыл метафоры «coronavirus is enemy» состоит в том, чтобы мобилизовать население на принятие мер против заражения себя и других. Фокус сосредоточен на «массовости» и «общности» вражеского нападения. Это не война одного человека, а война всех, всей Америки.

В следующем контексте использован глагол *to trigger*, означающий «взвод спускового крючка» (в переводе на русский язык военная метафора теряется). Данная метафора используется для обозначения причины заболевания. Ср.:

That leads some scientists to think the aerosol transmission could enable the virus to penetrate deep into the lungs and trigger a more severe infection (The Washington Post, 17.06.2020). – *Это наводит некоторых ученых на мысль, что передача вируса воздушно-капельным путем может позволить вирусу проникнуть глубоко в легкие и вызвать более тяжелую инфекцию.*

Особенность милитарных метафор заключается в том, что она профилирует смысл мобилизации общества на борьбу с инфекцией, что усиливает у аудитории убеждение в возможности и необходимости противодействия инфекции.

4.3. Сфера-источник ANIMALS

Третьей распространенной сферой-источником метафорической экспансии стала сфера ANIMALS.

Номинации этой сферы в переносном значении представлены как специфическими видами животных, таки общей лексемой *beast* (зверь). Ощая номинация активирует прагматические смыслы жестокости и негуманности оцениваемого феномена. Ср.:

This is a very different beast (The Washington Post, 11.04.2020).

Это [коронавирус] совсем иной зверь.

Среди специфических номинаций наиболее часто используемые метафоры насекомых и диких зверей. Ср.:

When the murder hornet showed up, as we were settling in our long quarantine (The New Yorker, 29.07.2020). – *Когда появился шершень-убийца, пока мы находились в долгом карантине.*

I think people were really feeling the sting of isolation (The New York Post, 09.08.2020). – *Думаю, люди в полной мере ощущали, как жалит изоляция.*

Метафорический образ жалящего насекомого отождествляет Covid-19 с такими характеристиками, как способность прилететь и укусить. При этом жалящие насекомые являются сравнительно маленькими животными: заметить их так же трудно, как коронавирусную инфекцию, которая «нападет» внезапно и беспричинно. Хотя вирус Covid-19 невидим, последствия заражения им хорошо заметны, как и последствия ужаления.

Также распространены метафоры, обозначающие агрессию животных, без уточнения конкретного вида животного. Ср.:

You get over the illness, you get better, and it comes back to bite you again (The New Yorker, 28.12.2020). – *Болезнь уходит, тебе становится лучше, и она возвращается, чтобы снова тебя укусить.*

Among the first to feel the bite of the coronavirus in his newsroom was Christopher Boan (The Washington Post, 2020). – *Среди первых, кто ощутил укус коронавируса в офисе издательства, был Кристофер Боан.*

Релевантность зооморфных метафор обусловлена, в первую очередь, страхом перед заражением, сравнимым со страхом перед диким животным. Метафора зверя подчеркивает беспощадность инфекции, которая уносит жизни людей, и активизирует фрейм охоты. Если инфекция – это зверь, то борьба с инфекцией – охота на зверя. Ср.:

Thousands to be trained on how to hunt coronavirus infections (USA Today, 20.05.2020). – *Тысячи (людей) будут обучены охоте на коронавирусную инфекцию.*

State health officials are working to train thousands of people in contact tracing who can be deployed at any time (USA Today, 20.05.2020). – *Сфера здравоохранения работает над обучением тысяч людей методам отслеживания контактных, которые могут покинуть местность в любой момент.*

South Africa is hunting down coronavirus with thousands of health workers (The Washington Post, 21.04.2020). – Южная Африка охотится на корона-вирус с помощью тысяч медицинских работников.

Вместе с тем лексема охоты в данных метафорических контекстах часто используется для обозначения самих зараженных, которых требуется отслеживать во избежание дальнейшего распространения инфекционного заболевания.

Сфера-источник «Животные» используется в американском медиадискурсе для того, чтобы передать прагматические смыслы опасности инфекции и необходимость принять неотложные меры.

5. Заключение

Таким образом, наиболее частыми сферами-источниками метафорической экспансии при концептуализации эпидемии являются INANIMATE NATURE, WAR и ANIMALS.

Легко заметить, что все метафоры приписывают коронавирусной инфекции негативные коннотации. Вирус видится, как неукротимая стихия (цунами, лесной пожар), либо как враг, который атакует здоровье и жизнь людей, или как опасное и безжалостное животное.

Вместе с тем три рассмотренные модели привносят разные проекции концептуального видения пандемии. Так, метафоры стихий высвечивают разрушающие последствия инфекции, ее неожиданный характер и бедственное положение общества в разгар пандемии. Вместе с тем эти метафоры содержат имплицитную информацию о невозможности серьезно противостоять разбушевавшейся стихии, которую можно только переждать.

Важная особенность военной метафоры заключается в том, что в отличие от других сфер-источников, например, неживой природы, милитарная сфера-источник привносит перспективу возможности активного вмешательства в ход событий. Метафоры подчеркивает идею о том, что борьба с коронавирусом может быть выиграна, если приложить к этому усилия. Метафоры стихий, тоже достаточно частотные, такой перспективы не предлагают – человек бессилён перед лицом цунами или урагана. Также метафоры войны подразумевают возможность участия в борьбе героев, наносящих врагу поражение. Типичные концепты сферы-мишени для такого осмысления – медицинские работники.

Метафоры из сферы-источника ANIMALS актуализируют концептуальный вектор опасности, описывая вирус, как агрессивных зверей или насекомых, способных напасть и причинить боль в любой момент. Анималистические метафоры предлагают активную перспективу противодействия инфекции. Меры по предотвращению заражения и поиска вакцины – это охота на вирусы и зараженных людей.

Таким образом, среди метафор оказались востребованы те образы, которые позволили обнаружить аналогии между уже знакомыми феноменами и новой реальностью, в которой оказалось человечество. Именно метафоры

войны, стихий и диких животных позволили актуализировать прагматические смыслы внезапности и разрушительности пандемии, а также необходимости сплотить усилия для противостояния инфекции. При этом динамика метафора отражает этапы осмысления пандемии. Если в начале мировое сообщество было обескуражено происходящими событиями и только констатировало печальные последствия инфекции (метафоры стихий), то по мере развития пандемии и возникновения первых вакцин все большее значение приобретали метафоры военного противостояния.

Список литературы

Балашова Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта ковид-19 в речи В. В. Путина / Л. В. Балашова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 777–800.

Будаев, Э. В. Метафоры природы как средство концептуализации COVID-19 в СМИ Великобритании и США / Э. В. Будаев, С. О Ковалева, П. П. Щербинина // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2022. – № 2. – С. 26–38.

Будникова, А. С. Неологизмы в английском языке, появившиеся во время пандемии ковид-19 / А. С. Будникова, Е. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 3 (59). – С. 173–176.

Воскресенская, Н. А. Семантическая типология лексики пандемии: ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках / Н. А. Воскресенская, О. О. Гулик, Т. С. Малышева. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 44–61.

Громенко, Е. С. Новые сложные слова с компонентами корона- и ковид- в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты) / Е. С. Громенко. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2021. – № 5. – С. 40–54.

Пнджоян, С. А. Языковое манипулирование в СМИ США на материале нарратива «Коронавирус» / С. А. Пнджоян, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2022. – № 3. – С. 80–99.

Сергеева, Е. П. "Sprichst du coronisch?": немецкий язык в условиях пандемии Ковид-19 / Е. П. Сергеева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 238–242.

Сизых, М. М. Природная метафора как средство концептуализации пандемии COVID-19 в русскоязычных СМИ / М. М. Сизых. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 105–112.

Трофимова, Н. А. Метафоры пандемического дискурса (на материале СМИ Германии) / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 483. – С. 57–71.

Чарыкова, О. Н. Коронавирусный дискурс как источник активизации военной метафоры / О. Н. Чарыкова, Н. В. Федотова. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2022. – № 1. – С. 50–60.

Чудинов, А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – № 45. – С. 167–175.

Amiruddin, N. COVID-19 blends: A new phenomenon in English Neologisms / N. Amiruddin, A. H. Yassi, S. Sukmawaty. – Текст : непосредственный // Journal of Language and Linguistic Studies. – 2021. – Vol. 17(3). – P. 1690–1710.

Fernández-Pedemonte, D. Communicating COVID-19: Metaphors We “Survive” By / D. Fernández-Pedemonte, F. Casillo, A. I. Jorge-Artigau. – Текст : непосредственный // Tripod. – 2020. – Vol. 47(2). – P. 145–159.

Holland, K. Mapping National News Reports on COVID-19 in Australia: Topics, Sources, and Imagined Audiences / K. Holland, M. Lewis. – Текст : непосредственный // Communicating COVID-19. Interdisciplinary Perspectives. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 59-81.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Lukacovic, M. “Wars” on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic / M. Lukacovic. – Текст : непосредственный // Frontiers in Communication. – 2020. – Vol. 5. – P. 1–14.

Piredda, P. War Metaphors during the COVID-19 Pandemic: Persuasion and Manipulation / P. Piredda. – Текст : непосредственный // The Languages of COVID-19. Translational and Multilingual Perspectives on Global Healthcare / Ed. by P. Blumczynski, S. Wilson. – New York : Routledge, 2023. – P. 48–62.

Semino, E. “Not Soldiers but Fire-fighters” – Metaphors and Covid-19 / E. Semino. – Текст : непосредственный // Health Communication. – 2021. – Vol. 36(1). – P. 50–58.

Sirait, A. Conceptualizing Corona Virus Metaphor in Media Headlines: A Cognitive Semantic Approach / A. Sirait, K. Seva, Th. R. Lingga. – Текст : непосредственный // English Journal Literacy Utama. – 2020. – Vol. 5(1). – P. 145–159.

Получена: 17.05.2023

Принята: 21.06.2023

COVID-19 PANDEMIC IN THE METAPHORICAL MIRROR OF US MEDIA

V. S. Andronova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
rina@gmail.com

E. V. Budaev

*Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
aedw@rambler.ru*

Abstract. This article is devoted to the metaphorical representation of COVID-19 in US media texts. The material of the study was metaphorical contexts from the US media for the period from December 2019 to December 2020. The study was carried out in line with the cognitive-discursive approach, which implies the analysis of metaphor as a mental phenomenon in the linguistic and extralinguistic context of the media. As the analysis showed, three source domains of metaphorical conceptualization of the pandemic dominated in the US media: WAR, INANIMATE NATURE, ANIMALS. The active use of the military metaphor in describing the coronavirus is explained by the similarity of military operations with the struggle of humanity against COVID-19. The coronavirus was conceptualized as an enemy against which humanity is at war and suffers heavy losses. Metaphors of nature turned out to be in demand to reflect the meanings of the suddenness of the onset of the epidemic, the undulating nature of the emergence of new strains and the destructiveness of the consequences comparable to the consequences of natural disasters. The animal metaphors reflected the fear of the pandemic, similar to the fear humans have of aggressive animals. Thus, among the metaphors, those images were in demand that made it possible to discover analogies between already familiar phenomena and the new reality in which humanity found itself. It was the metaphors of war, the elements and wild animals that made it possible to actualize the pragmatic meanings of the suddenness and destructiveness of the pandemic, as well as the need to rally efforts to counter the infection.

Key words: conceptual metaphor, nature metaphors, military metaphors, zoomorphic metaphors, animal metaphors, COVID-19, coronavirus, US media.

References

- Amiruddin, N., Yassi, H. & Sukmawaty, S. (2021). COVID-19 blends: A new phenomenon in English Neologisms. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17(3), 1690–1710.
- Balashova, L. V. (2020). Militarnaja metafora kak sposob formirovaniya koncepta kovid-19 v rechi V. V. Putina [Military metaphor as a way of formation

of the COVID-19 concept in Vladimir Putin's speech]. *Kommunikativnye issledovanija*, 7(4), 777–800.

Budaev, E. V., Kovaleva, S. O. & Shcherbinina, P. P. (2022). Metafori prirody kak sredstvo konceptualizacii COVID-19 v SMI Velikobritanii i SShA [Metaphors of nature as a means of conceptualizing COVID-19 in the UK and US media]. *Scientific Notes of NTSSPI. Series: History & Philology*, 2, 26–38.

Budnikova, A. S. & Ivanova, E. V. (2021). Neologizmy v anglijskom yazyke, poyavivshiesya vo vremya pandemii kovid-19 [Neologisms in the English language that appeared during the covid-19 pandemic]. *Scientific Notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 3 (59), 173–176.

Voskresenskaya, N. A., Gulik, O. O., Malysheva, T. S. (2022). Semanticheskaya tipologiya leksiki pandemii: kovid-neologizmy v anglijskom, francuzskom i nemeckom yazykah [Semantic Typology Pandemic Vocabulary: Covid Neologisms in English, French and German]. *Nauchnyi dialog*, 11(3), 44–61.

Charykova, O. N. & Fedotova, N. V. (2022). Koronavirusnyj diskurs kak istochnik aktivizacii voennoj metafory [Coronaviral discourse as a source of increased military metaphors]. *Russkaja rech'*, 1, 50–60.

Chudinov, A. P., & Budaev, E. V. (2006). Diskursivnoe napravlenie v zarubezhnoy medialingvistike [Discursive direction in foreign media linguistics]. *Proceedings of the Ural State University: Series 1: Problems of Education, Science and Culture*, 45, 167–175.

Fernández-Pedemonte, D., Casillo, F. & Jorge-Artigau, A. I. (2020). Communicating COVID-19: Metaphors We “Survive” By. *Tripod*, 47(2), 145–159.

Gromenko, E. S. (2021). Novye slozhnye slova s komponentami korona- i kovid- v russkom yazyke (slovoobrazovatel'nyy i normativnyy aspekty) [New compound words with corona- and covid- components in the Russian language (word-formation and normative aspects)]. *Russkaya rech'*, 5, 40–54.

Holland, K., Lewis, M. (2021). Mapping National News Reports on COVID-19 in Australia: Topics, Sources, and Imagined Audiences. In *Communicating COVID-19. Interdisciplinary Perspectives* (pp. 59–81). Cham: Palgrave Macmillan.

Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Lukacovic, M. (2020). “Wars” on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic, *Frontiers in Communication*, 5, 1–14.

Piredda, P. (2023). War Metaphors during the COVID-19 Pandemic: Persuasion and Manipulation. In Blumczynski, P. & Wilson, S. (eds.), *The Languages of COVID-19. Translational and Multilingual Perspectives on Global Healthcare* (pp. 48–62). New York: Routledge.

Pndzhoyan, S. A., Budaev E. V. (2022). Yazykovoe manipulirovanie v SMI SShA na materiale narrativa "koronavirus" [Linguistic manipulation in the US media based on the coronavirus narrative]. *Scientific notes of NTSSPI. Series: History and Philology*, 3, 80–99.

Semino, E. (2021). “Not Soldiers but Fire-fighters” – Metaphors and Covid-19. *Health Communication*, 36(1), 50–58.

Sergeeva, E. P. (2021). "Sprichst du coronisch?": nemetskiy yazyk v usloviyakh pandemii Kovid-19 ["Sprichst du coronisch?": German language in the context of the Covid-19 pandemic]. *Cognitive studies of language*, 3 (46), 238–242.

Sirait, A., Seva, K. & Lingga, Th. R. (2020). Conceptualizing Corona Virus Metaphor in Media Headlines: A Cognitive Semantic Approach. *English Journal Literacy Utama*, 5(1), 145–159.

Sizyh, M. M. (2023). Prirodnaja metafora kak sredstvo konceptualizacii pandemii COVID-19 v russkojazychnyh SMI [Metaphors of nature as means of conceptualizing the COVID-19 pandemic in Russian-language media]. *Politicheskaja lingvistika*, 1 (97), 105–112.

Trofimova, N. A. (2022). Metafori pandemicheskogo diskursa (na materiale SMI Germanii) [Metaphors of pandemic discourse (on the material of german media)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 483, 57–71.

Submitted: 17.05.2023

Accepted: 21.06.2023

УДК 81'373

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Т. В. Аникина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
anikishna@mail.ru

М. А. Ступина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
stupina78@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе. Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время в СМИ наблюдается широкое распространение неологизмов для номинации новых предметов, явлений и лиц. Материалом исследования послужили 107 англоязычных неологизмов, полученных методом сплошной выборки из следующих источников: The Times, Telegraph, The Washington Post, Vogue, Forbes, The New York Times, Independent, New York Post, The Guardian, USA Today, Insider. Понятие неологизма рассматривается согласно стилистическому, лексикографическому, денотативному и конкретно-историческому подходам. Под неологизмом в данной работе понимаются слова или словосочетания, являющиеся в настоящее время новыми по форме и имеющие новое социокультурное значение. В статье выявлены продуктивные способы образования неологизмов в массмедийном дискурсе: аффиксация, сокращения, словосложение и конверсия.

Ключевые слова. Дискурс, массмедийный дискурс, неологизмы, словообразование, словосложение, конверсия, аффиксация, сокращения, аббревиатуры, акронимы.

1. Введение

Ситуация в мире меняется каждый день, и это оказывает огромное влияние на язык. В настоящее время в английском, как и во многих других языках, мы наблюдаем своеобразный «неологический бум», что обуславливает широкий интерес современных исследователей к этой теме [Катермина, Липириди, 2020; Ромейко, 2021; Шукунда, 2020; Юздова, Безногова, 2021; Katermina, Birjukova, 2020; Samigoullina, 2021].

Язык постоянно развивается, ежедневно производя новые слова, фразы и выражения, которые охватывают социальные, экономические и политические вопросы, новые технологии и образ жизни. Массмедийный дискурс

(новостные программы, интернет-журналистика, социальные сети) играет важную роль в распространении новых слов и выражений.

Несмотря на то, что неологизмы представляют особый интерес для лингвистов-исследователей, до настоящего времени возникает ряд трудностей при определении термина «неологизм». В научной литературе выделяется несколько подходов к данному понятию. Рассмотрим данные подходы.

1. Стилистический подход

Одним из главных стилистических признаков, как считают Н. З. Котелова, В. В. Корниенко является новизна, которая определяет неологизм. Однако данный признак имеет свойство утрачиваться с течением времени и, как утверждает Г. И. Миськевич, считается субъективным и неоднозначным: «Ощущение новизны – это индивидуальное свойство каждого человека, так как оно во многом определяется степенью образованности воспринимающего, его вкусами, языковым чутьем и т. д.» [Миськевич, Чельцова, 1970, с. 244]. Из вышесказанного следует, что новые слова и словосочетания склонны к стремительному распространению, что влечет быстрый рост частоты их употребления и потере новизны. Следовательно, новизна не позволяет детерминировать определение неологизма, однако, является основополагающим признаком стилистического подхода и является наиболее важной характеристикой понятия.

2. Лексикографический подход

По К. Барнхарту, неологизмами являются слова, не отмеченные в современных словарях [Барнхарт, 1963]. Однако многие ученые выдвинули свои гипотезы относительно данного подхода. Поскольку словари не могут содержать в себе полное количество слов, имеющих в языке, применять данный подход не представляется возможным, а все не зафиксированные слова не могут называться неологизмам по причине крайне редкого их использования. Однако отсутствие нового слова в словаре может рассматриваться как один из характерных признаков неологизма.

3. Денотативный подход

О. С. Ахманова и Д. Э. Розенталь выделяют денотативный подход к рассмотрению неологизмов. Понятия «денотат» обозначает «предмет действительности, с которыми соотносится данная языковая единица» [Розенталь, 1976]. Основываясь на гипотезах лингвистов, неологизм – это слово, которое обозначает новый денотат (явление или реалию) или понятие. Данный подход не рассматривает случаи происхождения новых слов для уже имеющихся понятий.

4. Конкретно-исторический подход

Согласно данному подходу неологизмами считаются «слова, значения слов и идиомы, существующие в определенном языке, подязыке и языковой сфере и не существовавшие в предшествующий период в том же языке, подязыке, подязыковой сфере», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке образовавшихся слов по известным моделям лишь

в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [Котелова, 2015, с. 171].

Наиболее точное определение неологизма дает лингвист Н. М. Шанский: «слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли в активный словарный запас языка и воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности» [Шанский, 2007, с. 168].

Оксфордский словарь определяет неологизм как «недавно образованное слово или выражение, которое, возможно, находится в процессе вхождения в общее употребление, но еще не вошло в лексикон большинства» [Oxford dictionary of English 2003, с. 1549].

В данной работе под неологизмами мы понимаем слова или словосочетания, являющиеся в настоящее время новыми по форме и имеющие новое социокультурное значение.

2. Материал и методология исследования.

Материалом исследования послужили 107 англоязычных неологизмов, полученных методом сплошной выборки из следующих источников: The Times, Telegraph, The Washington Post, Vogue, Forbes, The New York Times, Independent, New York Post, The Guardian, USA Today, Insider.

Для идентификации неологизмов мы обращались к следующим электронным словарям: Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionary, Urban Dictionary и др.

Методологическую базу исследования составили труды следующих авторов: Н. З. Котеловой, Н. М. Шанского, С. И. Алаторцевой, Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова, Г. И. Миськевича и других.

В работе были использованы следующие методы: сравнительный и описательный методы, теоретический анализ литературы, метод сплошной выборки.

3. Массмедийный дискурс как область функционирования неологизмов.

В широком смысле дискурс (по Т.А. ван Дейку и Д. Шиффрину) – это «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [ван Дейк, 1989, с. 310]. Дискурс социально обусловлен и представляет собой речь, диалог, стиль, язык, прошедший через экстралингвистические факторы (знаний о мире, установок, мнений, культурных традиций, исторических фактов и идеологических установок), знание о которых необходимо для полного понимания вышеуказанных речи, стиля, диалога [Караулов, Петров, 1989, с. 11].

Исследователь И. Беллерт рассматривает дискурс в узком смысле как произвольный фрагмент связного текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой семантически и грамматически связанной части предложений или высказываний (реплик), в устной или письменной

форме обращенный к слушателю, читателю или наблюдателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающих в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников.

Исходя из вышесказанного, дискурс – это многоаспектное и многозначное понятие. Он отображает языковую действительность. Главным в определении дискурса в функциональном подходе является взаимосвязь речупотребления со сферами деятельности человека (наука, политика, медицина, СМИ), которые обуславливают особенности речевой коммуникации. В связи с этим выделяются разные виды дискурсов: научный, политический, медицинский, массмедийный и так далее. Суммируя вышесказанное, можно заключить, что массмедийный дискурс – это совокупность текстов, функционирующих в сфере массовых коммуникаций [Добросклонская, 2006].

Массмедийный дискурс является особой областью функционирования неологизмов, так как это сфера, где новые слова и выражения используются повсеместно. Например, в новостях, рекламе, телепередачах, социальных сетях и других медиа форматах можно наблюдать появление новых слов и выражений. Они могут использоваться для привлечения внимания к определенному товару или услуге, для создания определенного образа или для коммуникации в определенной группе.

Исследователи выделяют следующие функции неологизмов в массмедийном дискурсе:

1. информативная функция (номинативная), которая предполагает заполнение лакун, а также помогает автору наиболее детально передать смысл, идею и стилистические оттенки;
2. экспрессивная функция (помогает передать субъективную оценку автора);
3. компрессивная функция (языковая экономия);
4. эвфемистическая функция.

Номинативная функция неологизмов способствует расширению словарного состава языка. В массмедийном дискурсе авторы создают неологизмы для номинации известных брендов одежды, новых технологий и явлений, выполняя назывную функцию.

Функция языковой экономии является основной в массмедийном дискурсе. Сокращения (аббревиатуры) и упрощение предложений и синтаксических конструкций повышает информативность и быстрое усвоение неологизма читателем. Согласно А. В. Спиридонову, сокращения «способствуют усилению смысловой емкости, а также увеличению его экспрессивной насыщенности» [Спиридонов, 2014, с. 19].

Экспрессивная функция прослеживается в неологизмах, образованных путем прибавления приставок hyper-, super-, ultra-.

Эвфемистическая функция осуществляется через заимствования слов из других языков, так как заимствованные выражения имеют положительный и благоприятный оттенок.

Таким образом, массмедийный дискурс является ведущей областью функционирования неологизмов, поскольку это сфера, где новые слова и выражения быстро распространяются.

4. Структурные особенности англоязычных неологизмов в массмедийном дискурсе

Рассмотрим продуктивные способы образования неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе. Значительная часть неологизмов создается путем словосложения (соединения двух или более слов), аббревиации (сокращения первых букв слов), аффиксации (добавления приставок или суффиксов) и конверсии (переход из одной части речи в другую).

Словосложение представляет собой соединение двух или более основ, в результате которого образуется сложное слово. В большинстве случаев мы наблюдаем слияние усеченных основ исходных слов, что позволяет выразить суммарное значение входящих в него структурных элементов.

Например, *«infodemic»* – сложное слово, образованное от терминов *«information»* и *«epidemic»*.

«Covid-19 has sparked the world's first 'infodemic' with many people unable to separate fact from fiction – but AI could provide the cure, study claims» (<https://www.dailymail.co.uk/>).

Для описания человека, отказывающегося от соблюдения правил безопасности в период пандемии COVID-19, был создан неологизм *«covidiot»* посредством сложения двух основ *«COVID»* и *«idiot»*. Неологизм обозначает недостаточное или неправильное поведение человека в условиях пандемии.

«Are you a complete covidiot? It's what the government wants of all of us» (<https://www.theguardian.com/>).

Рассмотрим пример неологизма, специально созданного психологического термина, описывающего новую практику созерцания неба. Основы слов *«sky»* и *«psychology»* образуют новое слово *«skychology»*.

«Developed by psychology coach Paul Conway, Skychology is the practice of 'sky-gazing', and it is a new area of wellbeing research» (<https://www.dailymail.co.uk/>).

Следующий пример *«hipstoric»* создан дизайнерами для привлечения внимания к новому стилю декорирования домов, состоит из основ *«hip»* и *«historic»*.

«A fusion of the words 'hip' and 'historic,' the newly coined 'hipstoric' home decor trend is set to dominate in 2023» (<https://www.bhg.com/>).

Сложение основ *«bread»* и *«inflation»* способствовало появлению нового экономического понятия *«breadflation»*. Оно обозначает постоянный рост цен на хлеб. Данный неологизм точно отражает реальный уровень инфляции.

«Breadflation, Palm Oil's Rout and Scorched Fields Across Europe» (<https://www.bloomberg.com/>).

Неологизм *«liveaboard»* образован из основ *«live»* и *«aboard»*, обозначает человека, который постоянно путешествует на каком-либо судне, и, соответственно, живет на нем.

«We feel truly alive: meet the 'liveaboards' sailing away to a new life» (<https://www.theguardian.com/>).

Средства массовой информации часто привлекают внимание читателей к актуальной теме психологии и познания себя. Неологизм *«wearapy»* образован из двух слов *«wear»* и *«therapy»*, обозначает ношение одежды как форму терапии, причем одежда выбирается таким образом, чтобы человек чувствовал себя уверенным.

«While you can use fashion to boost your mood and make you feel powerful, Forbes-Bell also wants us to consider the emotional importance of what we wear – something she calls “wearapy”...» (<https://www.independent.co.uk/>).

Неологизм *«algospeak»*, образованный посредством словосложения основ *«algorithm»* и *«speak»*, обозначает способ замены нежелательных и неуместных слов, которые могут быть удалены алгоритмами в социальных сетях и СМИ.

«“Algospeak” is becoming increasingly common across the Internet as people seek to bypass content moderation filters on social media platforms» (<https://www.washingtonpost.com/>).

Неологизм *«hometel»* используется в СМИ для передачи ощущения домашнего уюта в отелях, создан посредством основ *«home»* и *«hotel»*.

«The homotel concept combines the freedoms you'd have at home with an Airbnb meets hotel experience» (<https://www.theceomagazine.com/>).

В связи с постоянно растущей популярностью таких социальных сетей, как TikTok, появился неологизм *«TikTots»*, создан путем соединения основ слов *«TikTok»* и *«Tots»*, служит для обозначения детей от 5 до 7 лет, пользующихся вышеуказанным приложением.

«Analysis from Ofcom shows that TikTok is the most popular platform among the youngest users, who have been nicknamed TikTots» (<https://news.yahoo.com/>).

Неологизм *«splinternet»* обозначает характеристику Интернета как раскалывающегося и разделяющегося из-за различных факторов, таких как технологии, торговля, политика, национализм, религия и расходящиеся национальные интересы. Новое слово образовано посредством сложения двух основ *«splint»* и *«Interenet»*.

«It's bringing Putin's Russia many steps closer to a so-called splinternet in which the West and Russia operate in different online spheres...» (<https://www.politico.com/>).

Неологизм *«dropout»* обозначает молодого человека, бросившего учебу в университете. Новое слово образовано слиянием основ *«drop»* и *«out»*.

«Universities will face sanctions if not enough students go on to graduate-level jobs within 15 months, if too many dropout fail to earn degrees...» (<https://www.theguardian.com/>).

AI-nxiety – неологизм, упомянутый автором статьи интернет-издания *The Insider*, образованный посредством словосложения, заменяет выражение *artificial intelligence anxiety*.

«Welcome to the age of 'AI-nxiety,' in which anxiety about AI taking over our jobs and lives is at the top of everybody's minds» (<https://www.businessinsider.com/>).

Рассмотрим следующий способ образования неологизмов – аффиксацию. При помощи аффиксации образуются именные части речи (прилагательные и существительные), наречия и глаголы.

Главная цель аффиксации – создание новых слов посредством модификации уже существующих слов, изменение грамматической формы слова, создание новых терминов и названий для продуктов и услуг.

Например, префикс *re-* в английском языке означает «повторение» или «возврат к предыдущему состоянию», а также «действие, направленное на исправление ошибки». Неологизм *«rebirding»* образован посредством префиксации, где использование префикса *re-* позволяет сократить количество слов, необходимых для описания действия, помогающего вернуть окружающую среду в ее естественное состояние путем возвращения птиц, которые там когда-то обитали.

«In order to halt the decline, a new call to arms is launching this week urging homeowners across the country to encourage the birds back before it is too late... Forget rewilding, this is hoped to be the beginning of a vital rebirding of the nation's back gardens» (<https://www.telegraph.co.uk/>).

Суффиксация также является продуктивной при образовании новых слов. Суффикс *-ism* в английском языке означает «состояние» или «систему идей» и используется для обозначения теорий и взглядов на какую-либо тему. Практика употребления в пищу растений и животных, которые существуют в большом количестве и обычно оказывают вредное воздействие на окружающую среду, обозначается в СМИ неологизмом *«invasivorism»*.

«Invasivorism, eating invasive plants and animals, seeks to fill plates with unwanted species» (<https://www.thetimes.co.uk/>).

В СМИ используется аффиксация для выражения эмоциональности, например, суффикс *-er*, который образует новое слово *«carnisplorer»*. Рассматриваемый суффикс используется для образования существительных, указывающих на того, кто выполняет какое-либо действие. Указанный выше неологизм обозначает человека, который предпочитает и заинтересован в приготовлении пищи из частей животных, которые обычно не принято употреблять в пищу.

«These adventurous carnivores are embracing nose-to-tail eating,” says Oliver, adding that it’s a more sustainable way of eating» (<https://www.telegraph.co.uk/>).

Суффикс *-ship* используется в английском языке для образования существительных, обозначающих состояние, характеристику, но иногда может иметь значение «связь» или «отношения». Например, неологизм *«situationship»* образован посредством суффиксации, означает отношения между двумя людьми, являющиеся чем-то больше, чем дружба, но не считаются романтическими.

«Being in a situationship is all the rage now! Less than a relationship and more than a friendship, situationships are neither here nor there» (<https://www.stylecraze.com/articles/>).

Приставка *anti-* имеет значение «против, противодействие». Она используется для образования слов, которые указывают на то, что предмет или действие направлены против кого-то или чего-то. Например, неологизм *«antiprocration café»* выражает позицию кафе, направленную против прокрастинации. В заведении могут работать люди, имеющие крайний срок сдачи работы, при этом сотрудники кафе регулярно проверяют их и не позволяют уходить, пока работа не будет завершена.

«... so you can imagine how intrigued I was by the so-called antiprocration café» (<https://www.timeout.com/>).

Неологизм *«anti-vaxxer»* образован путем прибавления префикса *anti-* (имеющий негативную коннотацию) и суффикса *-er* и обозначает человека, который не верит в необходимость вакцинации и выступает против процедуры.

«How anti-vaxxers hijacked the story of a woman who lost her legs from Covid complications» (<https://www.independent.co.uk/>).

Префикс *super-* является экспрессивным и выражает эмоциональную окраску в слове *«superdodger»*. Данная приставка используется для указания на превосходство, более высокий уровень или степень. Вышеупомянутое слово обозначает человека, организм которого устойчив к какому-либо вирусу, что указывает на его превосходство в сравнении с другими.

«Over the course of human history, scientists have identified only two instances of true virus superdodgers» (<https://www.npr.org/>).

Рассмотрим неологизм *«super-smeller»*, образованный с помощью префикса *super-*. Неологизм обозначает человека, чье обоняние настолько сильное, что он может чувствовать запахи, недоступные другим людям.

«From petrol and perfume to Parkinson’s disease, super-smellers can detect scents others are oblivious to...» (<https://www.theguardian.com/>).

Суффикс *-ist* используется в английском языке для образования существительных, указывающих на человека, который занимается определенной

деятельностью. Например, неологизм *«inactivist»* обозначает человека, который не верит, что политические или социальные изменения стоят затраченных усилий.

«Climate inactivists claim that government plans to tackle carbon emissions are overly ambitious, expensive and undemocratic» (<https://www.nesta.org.uk/>).

Неологизм *«unretirement»* образован путем прибавления приставки и суффикса. В указанном слове приставка *un-* выражает отрицание, противоположность или отмену, а суффикс *-ment* обозначает действие, процесс, результат, состояние или предмет, необходимый для выполнения действия. Рассматриваемый нами неологизм обозначает акт возвращения на работу после ухода на пенсию в условиях инфляции.

«'Unretirements' are on the rise as workers who previously said they were retired are now taking jobs again» (<https://www.hiringlab.org/>).

Суффикс *-able* используется для образования прилагательных, которые выражают способность или возможность чего-либо. Неологизм *«rollable»* используется для описания мобильного телефона, экран которого может быть увеличен до размера планшета.

«Still, LG isn't the only company working on a rollable phone – the Oppo X 2021 concept phone also rolls» (<https://www.techradar.com/>).

Неологизм *«cyberflashing»* образован посредством префикса *cyber-* (обозначает взаимодействие с компьютерами, электронными сетями и технологиями) и суффикса *-ing*. Данное слово обозначает действие или случай отправки кому-либо незапрашиваемых, нежелательных, откровенных изображений сексуального характера или видео с использованием цифровых платформ.

«Cyberflashing: What is cyberflashing and is it illegal?» (<https://www.cosmopolitan.com/uk/>).

Путем добавления префикса *super-* к основе слова *«stylish»* автор статьи усиливает превосходство отелей и показывает высокий уровень обслуживания.

«Super-stylish hotels in Mykonos, the starriest of all the Cyclades» (<https://www.elle.com/uk/>).

Добавление префикса *mega-* к слову *iceberg* образует неологизм *«megaberg»*, что означает чрезвычайно большой айсберг, тем самым иллюстрируя огромный масштаб и размер айсберга.

«Scientists have been keeping a close eye on the “megaberg” designated as A68a since it split off from Antarctica...» (<https://www.sciencealert.com/>).

Большое количество неологизмов образуются с помощью суффикса *-ize*. Например, глагол *«to operationalize»* – приводить в действие, реализовывать. Неологизм *«to dedollarize»* образован с помощью префикса *de-* и суффикса *-ize*, обозначает переориентацию национальной экономики на доллар.

«*Will take over and operationalise Nanded airport in 3 months if work not expedited*» (<https://economictimes.indiatimes.com/>).

«*De-Dollarization Is Happening at a 'Stunning' Pace*» (<https://www.bloomberg.com/>).

Далее рассмотрим неологизмы, образованные с помощью конверсии. Конверсией называется способ, при котором языковая единица может переходить из одной морфологической категории в другую без изменения внешней формы. В лексике СМИ, относящейся к политическим событиям, часто используются частично субстантивированные слова – слово приобретает некоторые признаки существительного (артикл или множественное лицо).

Например, неологизм «*coloureds*», который означает цветное население страны.

«*A vote to save their identity: Coloureds*» (<https://www.independent.co.uk/>).

Рассмотрим следующий вид конверсии – вербализация, в процессе которой глаголы образуются от существительных. Также стоит отметить, что в новом слове развиваются значения, лишь косвенно связанные со словом-основой. В паре «*a level*» – «*to level up*» можно наблюдать преобразование существительного в глагол. В результате изменилось значение, *to level up* стало означать продвижение вперед или совершенствование. «Повышение уровня» происходит из игр, где пользователи открывают новые уровни по мере прохождения. Обычно относится к человеку или определенному навыку.

«*Just add milk: how to level up your instant noodles*» (<https://www.theguardian.com/>).

Неологизм из области музыки «*a mash-up*» образован от глагола *to mash* и предлога *up* путем конверсии субстантивного типа. Он обозначает неоригинальное музыкальное произведение, состоящее, как правило, из двух исходных произведений, записанное в студийных условиях путём наложения любой партии одного исходного произведения на похожую партию другого.

«*The MP3 player in general has contributed to aspects of the 'mash up' culture because teens can listen to a variety of music*» (<https://www.cbsnews.com/>).

Примером неологизма, образованного при помощи конверсии-вербализации, служит слово «*to clone*». Оно образовано путем перехода имени существительного *clone* в глагольную форму со значением клонирования искусственным интеллектом музыки современных поп-артистов.

«*Streaming sites urged not to let AI use music to clone pop stars*» (<https://www.theguardian.com/>).

Следующим способом образования неологизмов является сокращение, при котором часть звуковой композиции исходного слова опущена, в результате чего создаются слова, имеющие усеченную основу (или несколько основ). Рассмотрим примеры различных видов сокращений в массмедийном дискурсе. Аббревиатуры – новые слова, образованные путем сокращения

основы, состоящие из таких же основ в сочетании с полным словом, а также из звуков, с которых начинаются слова или названий их начальных букв.

Аббревиатура «WFH» – означает работу из дома. Из-за режима самоизоляции многим приходилось работать удалённо, поэтому для удобства появилась такая аббревиатура, где W – Work, F – From, H – Home.

«Elon Musk lashes out at remote work, calls it ‘morally wrong’; 4 reasons why your boss does not want you to WFH any longer» (<https://economictimes.indiatimes.com/>).

Также во время пандемии появился неологизм, выраженный аббревиатурой «PPE» – средства индивидуальной защиты, т.е. защитные маски и перчатки (P – Personal, P – Protective, E – Equipment).

«Why PPE Is Still in Short Supply for Healthcare Workers» (<https://www.healthline.com/>).

Аббревиатуры позволяют уменьшить количество символов в тексте, сэкономить время на написание или чтение, а также упростить восприятие информации. Особенно часто аббревиатуры используются для сокращения записи в цифровой базе данных, которая показывает, кому принадлежит часть контента в Интернете, например, видео, художественное произведение или песня. Для этого используется такое сокращение как «NFT» – non-fungible token.

«NFTs are “one-of-a-kind” assets in the digital world that can be bought and sold like any other piece of property, but they have no tangible form of their own» (<https://www.bbc.com/news/>).

Следующий пример аббревиации в СМИ – «HILIT» – «high-intensity low-impact training», что означает физическую тренировку, состоящую из коротких периодов интенсивных упражнений с короткими периодами отдыха между ними, но не включающая никаких упражнений, оказывающих давление на суставы тела, таких как прыжки.

«The low-impact nature of HILIT reduces the chance of injury, ensuring less stress on the joints and muscles» (<https://whateveryourdose.com/>).

Аббревиатуры также служат для сокращения названий организаций, например, «DAO» – «decentralized autonomous organization»: организация или компания, которая существует онлайн и управляется в соответствии с набором правил, которые существуют в виде компьютерного кода, при этом финансовые транзакции осуществляются участниками с использованием криптовалюты.

«DAOs can come in all shapes and structures, but simply put, “a DAO is an internet community with a shared bank account,”» (<https://www.cnbc.com/>).

Система, в которой электрический самолет может взлетать и садиться вертикально, названа «eVTOL» – electric vertical take-off and landing.

«Not with a flying car, but with a battery-powered aircraft called an eVTOL, a clunky acronym for electric vertical takeoff and landing vehicle» (<https://www.cbsnews.com/>).

GOAT – Greatest Of All Trips – аббревиатура, которая используется для обозначения или описания самого лучшего, самого дорогого, самого авантюрного отпуска, который кто-то когда-либо проводил.

«In the coming year, American travelers are going after their GOAT by stepping outside their comfort zone» (<https://www.hospitalitynet.org/>).

EGOT – Emmy, Grammy, Oscar, Tony Award – аббревиатура означает достижение человека в получении вышеуказанных премий за всю жизнь.

«Adele has expressed her gratitude after winning her first Emmy Award on Sunday (4 September), and made a joke about being close to the coveted “EGOT” status» (<https://www.independent.co.uk/>).

Рассмотрим следующий тип сокращений – акронимы. Акронимы – новые слова, которые представляют собой сокращения, однако, в отличие от аббревиатур, читаются и воспринимаются как обычные лексические единицы. Например, акроним «FORO» – fear of running out, означает тревожное чувство, при котором кажется, что могут закончиться продукты или жизненно важный запас чего-либо.

«These out of stocks have fuelled FORO even more creating a vicious cycle of demand» (<https://www.internetretailing.com.au/>).

«FONO» – fear of normal, акроним, означающий чувство беспокойства по поводу возвращения к своей обычной жизни и деятельности после ограничений, связанных с пандемией COVID-19.

«FONO refers to an unexpected reaction that many of us face, as lockdown and social distancing measures loosen and wind down» (<https://www.supportiv.com/>).

«HOGO» – hassle of going out, акроним, обозначающий нежелание выходить из дома, чтобы пообщаться, так как это кажется слишком сложно или не стоит таких хлопот.

«...a phenomenon dubbed “HOGO” appears to be taking hold» (<https://inews.co.uk/>).

Рассмотрим третий вид сокращений – усечения, новые слова, образованные в результате уменьшения звукового и графического комплекса одного слова или словосочетания. Например, неологизм «*тпрох*» является сокращением от полного слова *монкеурох*, что означает заболевание, вызываемое вирусом, который может передаваться людям обезьянами, крысами и другими животными.

«the word monkeypox conjures up racist tropes and stigmatizes patients, is recommending that the name of the disease be changed to тпрох» (<https://www.nytimes.com/>).

«V-Day» является усечением полного словосочетания *vaccination day* и означает день, когда в Великобритании была запущена программа вакцинации против вируса COVID-19.

«...the nation's National Health Service (NHS) embarks on "V-Day," a term ministers are using to describe the biggest immunization campaign in the organization's history» (<https://www.forbes.com/>).

Следующий пример усечения неологизм «Vax», которое образовано от слова vaccine (вакцина), где усекается часть слова ccine и добавляется буква х, которая имеет такое же произношение, как и cc в слове vaccine.

«Countries which chose Covishield fared better than those that took mRNA vax» (<https://economictimes.indiatimes.com/>).

Усечение «iso», которое происходит от слова isolation (изоляция). Усекается последняя часть слова -lation, остаётся iso.

«The February change to the law also marked the end of £500 per month self-iso support payments for people on low incomes» (<https://www.independent.co.uk/>).

Следующий пример усечения «rom-con» произошел от слов romantic con (мошенничество, афера), со значением ситуации, в которой преступник обманом вовлекает кого-то в фальшивые романтические отношения и использует его доверие, чтобы получить от него деньги или личную информацию.

«This is romance fraud or, rather snappily, "rom-con", a crime that's rising due to the cost-of-living crisis» (<https://www.theguardian.com/>).

Например, в статье журнала Vogue автор создает неологизм «calvins» для номинации джинсов бренда Calvin Klein.

«...nothing came between her and her Calvins. Denim has become synonymous with Americana» (<https://www.vogue.co.uk/>).

Далее представим количественное соотношение, выявленных способов образования англоязычных неологизмов в массмедийном дискурсе (таблица 1).

Таблица 1 – Количественное соотношение способов образования англоязычных неологизмов в массмедийном дискурсе

Способы словообразования неологизмов	Англоязычные неологизмы, %
Аффиксация	32
Сокращения	32
Словосложение	26
Конверсия	10

Таким образом, анализ структурных особенностей англоязычных неологизмов показал, что наиболее продуктивными способами словообразования являются аффиксация (32%) и сокращения (32%). Словосложение

(26%) используется реже в образовании неологизмов в массмедийном дискурсе. Конверсия (10%) является менее продуктивным способом образования неологизмов.

5. Заключение

Неологизмы являются огромным пластом в культуре английского языка, так как новые события, изобретения и явления, которые происходят в мире, отражаются в неологии. Слова и словосочетания меняются вместе с развивающейся культурой, на смену старым понятиям и терминам приходят новые, следовательно, таким путем можно проследить изменения в обществе и, соответственно, в языке.

Результаты исследования показали, что аффиксация (в частности (суффиксация) обладает высокой продуктивностью. Следует отметить, что наибольшую группу составляют суффиксы, образующие имена существительные. Широкое распространение сокращенных слов и аббревиатур подтверждает тенденцию к языковой экономии. При образовании сложных слов часто используются и другие словообразовательные приемы, например, аффиксация или различные виды сокращений.

Выполненное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенного вопроса, оно может быть продолжено с целью исследования способов и средств перевода неологизмов.

Список литературы

Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Алаторцева Светлана Ивановна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1999. – 48 с. – Текст : непосредственный.

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с. – Текст : непосредственный.

Беллерт, И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 172–207.

Дейк, Т. А. ван Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с. – Текст : непосредственный.

Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2008. – 264 с. – Текст : непосредственный.

Иванова, Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. В. Иванова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с. – Текст : непосредственный.

Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. – Текст : непосредственный // Т. А. ван Дейк. Язык, познание, коммуникация. Вступительная статья. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 5–11.

Катермина, В. В. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) / В. В. Катермина, С. Х. Липириди. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4 (147). – С. 170–175.

Корниенко, В.В. Особенности формирования неологизмов в английском языке и способы их перевода / В. В. Корниенко. – Текст : непосредственный // Наука и современность. – 2010. – №4-2. – С. 115–120.

Котелова, Н. З. Первый опыт описания русских неологизмов / Н. З. Котелова. – Текст : непосредственный // Новые слова и словари новых слов. – 1978. – № 7. – С. 5–25.

Миськевич, Г. И. Новые слова, их принятие и нормативная оценка (проблема новых слова в культурно-речевом аспекте) / Г. И. Миськевич, Л. К. Чельцова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы культуры речи. – Москва : Наука, 1970. – С. 243–272.

Несветайло, Ю. Н. Основные способы образования неологизмов в современном английском языке / Ю. Н. Несветайло. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008 – № 1 – С. 73–75.

Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1976. – 543 с. – Текст : непосредственный.

Ромейко, А. С. Словосложение как способ пополнения лексики современного английского языка (на примере текстов интернет-контента) / А. С. Ромейко. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 1. – С. 85–97.

Спиридонов, А. В. Функционально-смысловые типы окказиональной лексики в произведениях Василия Аксенова : специальность 10.02.01 «Русский язык» автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Спиридонов Александр Владимирович ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2014. – 22 с. – Текст : непосредственный.

Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Москва : URSS, 2022. – 310 с. – Текст : непосредственный.

Шукунда, С. З. «Ковидолы» против «ковидиотов»: английские неологизмы, порождённые коронавирусом / С. З. Шукунда. – Текст : непосредственный // Филологический аспект. – 2020. – № 4 (60). – С. 119–124.

Юздова, Л. П. Неологизмы как отражение реалий меняющегося мира в языке / Л. П. Юздова, Т. Г. Безногова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 291–294.

Katermina, V. V. Gender-colored English neologisms in cinematic discourse / V. V. Katermina, P. S. Biryukova. – Текст : непосредственный // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. – 2020. – № 2. – С. 44–52.

Oxford dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 05.05.2023).

Samigoullina, A. D. English coroneologisms: function and semantics / A. D. Samigoullina. – Текст : непосредственный // International Research Journal. – 2021. – № 3. – С. 166–170.

The Barnhaft dictionary of new English [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/barnhardtdictiona0000unse> (дата обращения: 06.05.2023).

Получена: 02.05.2023

Принята: 14.06.2023

STRUCTURAL PECULIARITIES OF NEOLOGISMS IN ENGLISH MASS MEDIA DISCOURSE

T. V. Anikina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
anikishna@mail.ru

M. A. Stupina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
stupina78@list.ru

Abstract. The article deals with the structural peculiarities of neologisms in English mass media discourse. At present there is a wide spread of neologisms for the nomination of new objects, phenomena and persons in the media.

The material of the study is 107 English neologisms taken from the following sources: The Times, Telegraph, The Washington Post, Vogue, Forbes, The New York Times, Independent, New York Post, The Guardian, USA Today, Insider.

The author studies the concepts of neologism according to stylistic, lexicographic, denotative and concrete historical approaches. In this article neologisms are defined as words or phrases that are currently new in form and have new socio-

cultural meanings. Further, the author describes productive ways of forming neologisms in the mass media discourse: affixation, abbreviations, compounding and conversion.

Key words. Discourse, mass media discourse, neologism, word formation, composition, conversion, affixation, shortening, abbreviations, acronyms.

References

Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow. Editorial URSS.

Alatortseva, S. I. (1999). *Problemy neologii i russkaya neografiya* [Problems of Neology and Russian Neography]. [Candidate Dissertation, Saint Peterburg State University].

Bellert, I. (1978). *Ob odnom uslovii svyaznosti teksta* [Obaut one condition for the coherence of the text]. Moscow. Progress.

Deyk, T. A. van (1989). *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. Moscow. Progress.

Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Media linguistics: a systematic approach to the study of media language]. Moscow. FLINTA: Nauka.

Ivanova, E. V. (2011). *Leksikologiya i frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology and Phraseology of Modern English]. Moscow. Publishing house «Academy».

Karaulov, Yu. N., Petrov V. V. (1989). *Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa* [From text grammar to cognitive theory of discourse]. Moscow. Progress.

Katermina, V. V. & Biryukova, P. S. (2020). Gender-colored English neologisms in cinematic discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 44–52.

Katermina, V. V. & Lipiridi, K. Kh. (2020). Osobnosti otobrazheniya pandemii koronavirusa v leksike meditsinskogo diskursa (na osnove angliyskikh neologizmov) [Peculiarities of the reflection of the coronavirus pandemic in the vocabulary of the medical discourse (based on the English neologisms)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4 (147), 170–175.

Kornienko, V. V. (2010). Osobnosti formirovaniya neologizmov v angliyskom yazyke i sposoby ikh perevoda [Features of neologism formation in English language and ways of their translation]. *Nauka i sovremennost'*, 4-2, 115–120.

Kotelova, N. Z. (1978). Pervyy opyt opisaniya russkikh neologizmov [The first experience of describing Russian neologisms]. *Novye slova i slovari novykh slov*, 7, 5–25.

Mis'kevich, G. I. & Chel'tsova, L. K. (1970). *Novye slova, ikh prinyatie i normativnaya otsenka (problema novykh slova v kul'turno-rechevom aspekte)* [New words, their acceptance and normative assessment (the problem of new words in the cultural and speech aspect)]. In *Actual problems of speech culture* (pp. 243–272). Moscow: Nauka.

Nesvetaylo, Yu. N. (2008). *Osnovnye sposoby obrazovaniya neologizmov v sovremennom angliyskom yazyke* [The main ways of forming neologisms in modern English]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1, 73–75.

Oxford dictionary. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Romeiko, A. S. (2021). *Slovoslozhenie kak sposob popolneniya leksiki sovremennogo angliyskogo yazyka (na primere tekstov internet-kontenta)* [Word-composition as the way of replenishing the vocabulary of present-day English (the case study of Internet content)]. *Scientific notes of NTSSPI. Series: History and Philology*, 1, 85–97.

Rozental', D. E., Telenkova, M. A. (1976). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow. Proshchenie.

Samigoullina, A. D. (2021). *English coroneologisms: function and semantics*. *International Research Journal*, 3, 166–170.

Shanskiy, N. M. (2022). *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of Modern Russian language]. Moscow.

Shukunda, S. Z. (2020). "Kovidoly" protiv "kovidiotov": angliyskiye neologizmy, porozhdonnyye koronavirusom ["Covidols" vs. "covi-diots": English neologisms generated by the coronavirus]. *Filologicheskyy aspekt*, 4 (60), 119–124.

Spiridonov, A. V. (2014). *Funktional'no-smyslovyye tipy okkazional'noy leksiki v proizvedeniyakh Vasiliya Aksenova* [Functional and semantic types of occasional words in the works of Vasily Aksenov]. [Candidate Dissertation, Kazan State University].

The Barnhaft dictionary of new English. Retrieved from <https://archive.org/details/barnhartdictiona0000unse>.

Yuzdova, L. P. & Beznogova, T. G. (2021). *Neologizmy kak otrazhenie realiy menyayushchegosya mira v yazyke* [Neologisms as a reflection of the realities of the changing world in the language]. *Cognitive studies of language*, 3 (46), 291–294.

Submitted: 02.05.2023

Accepted: 14.06.2023

УДК 811.133.1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОЛОРАТИВА BLEU В СМИ ФРАНЦИИ

Е. Д. Бронникова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
qwerty96321478@gmail.com

Э. В. Будаев

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
aedw@rambler.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению колоратива *bleu* в текстах СМИ Франции. В качестве материала исследования использованы контексты из СМИ Франции за период с 2008 года по 2023 год. Исследование проведено в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, подразумевающего анализ концептуальных признаков колоратива в экстралингвистическом контексте. Как показывает анализ, в СМИ Франции широко востребованы колоративы, вербализующие признаки концепта BLEU. При этом наиболее востребованы пять концептуальных признаков: «голубой цвет», «связанный с рабочей одеждой», «эмоции», «синяк», «полиция». Не все концептуальные признаки, актуализируемые в современных СМИ Франции, представлены в описании плана содержания анализируемой лексемы в лексикографических источниках, что свидетельствует о том, что когнитивный подход расширяет возможности по изучению актуальной семантики колоративов. Актуализация признаков реализуется с помощью трех когнитивных операций: денотативная проекция (прямая номинация), метафорическая проекция (вторичная номинация) и метонимическая проекция (вторичная номинация).

Ключевые слова: колоратив; СМИ Франции; цветообозначение; концептуальный анализ; голубой цвет; признаки концепта.

1. Введение

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес лингвистов к проблемам когнитивной семантики. Лингвисты демонстрируют устойчивый интерес к изучению отдельных концептов в частности и концептуальной картины мира в целом. Значимыми компонентами концептуальной картины мира в любой лингвокультурной общности являются концепты цвета, репрезентированные в различных языках с помощью колоративов.

Цвет играет большое значение в жизни человека. Установлено, что цвет может влиять на наше с вами настроение, менять эмоции, оказывать влияние на нашу активность, а также может вызывать подсознательные ассоциации.

По этой причине исследования в области цвета очень распространены среди психологов и лингвистов.

Актуальность данной работы определяется тем, что колоративы являются важным инструментом создания эмоциональной окраски в текстах и передаче информации читателю или зрителю. Колоративы могут быть использованы для усиления эффекта сообщаемой новости, создания определенного настроения или оттенка события, а также для привлечения внимания аудитории.

В истории лингвистики именно колоративы нередко служили образцом для демонстрации постулатов новых лингвистических теорий. Колоративы также являются одним из важных инструментов привлечь внимание читателей и зрителей к новостям и статьям в дискурсе СМИ. Лексемы цветообозначения используются для выделения ключевых моментов в новостной статье, для создания эмоционального настроения у читателей или для привлечения внимания к определенной проблеме.

Объект исследования – колоратив *bleu* в СМИ Франции.

Предметом данной работы являются когнитивно-дискурсивные особенности употребления колоратива *bleu* в СМИ Франции.

Цель данного исследования – выявление когнитивно-семантических особенностей употребления колоратива *bleu* в средствах массовой информации Франции.

Научная новизна исследования заключается в том, что большинство исследований, сделанных ранее, выполнены на основе художественной литературы, в то время как цветовым обозначениям в дискурсе СМИ уделялось недостаточное внимание. В нашей работе впервые изучается когнитивно-дискурсивная специфика использования колоратива *vert* в современных СМИ Франции.

2. Материал и методика исследования

Материалом для настоящей работы послужил корпус из 100 колоративов, использованных в электронных СМИ Франции («Le Figaro», «Libération», «Le Monde», «Le Parisien» и др.). Хронологические рамки выборки охватывают период 2008–2023 гг.

Методология настоящего исследования основывается на положениях когнитивно-дискурсивного подхода к языку (Н. Н. Болдырев, Т. А. ван Дейк, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, А. П. Чудинов). В процессе исследования использовались методы дискурсивного анализа, концептуального анализа, классификации, обобщения, описания, выборки.

Использование когнитивного метода подразумевает два обязательных шага: первый реализуется на уровне эмпирических данных, второй – на ментальном уровне. Первый шаг подразумевает обработку языковых данных, а второй шаг заключается в моделировании когнитивных структур на основе языковых данных. Применительно к нашему материалу необходимо через

анализ колоративов в дискурсе СМИ перейти к анализу концептуальных признаков, объективируемых в современных французских медиатекстах.

Таким образом, методика концептуального анализа колоративов подразумевает инвентаризацию концептуальных признаков, актуализованных в СМИ, а также их описание в когнитивном и дискурсивном аспектах.

3. Лингвистическая теория базовых цветов

Среди первых исследований семантики колоративов была монография Б. Берлина и П. Кея «Basic Color Terms: Their Universality and Evolution» [Berlin, Kay, 1969], которая стала отправной точкой для дальнейших исследований цветообозначений. Каждая последующая работа по семантике колоративов должна была так или иначе соотноситься с результатами, представленными в данной монографии. По этой причине последующие исследования колоративов можно разделить на две группы. В первую группу входят публикации, поддерживающие теорию Берлина–Кея, и применяющие теоретические положения к новому эмпирическому материалу. Вторая группа исследований объединяет противников теории.

Рассмотрим суть теории базовых цветов Б. Берлина и П. Кея. В период создания этой теории была распространена гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа, которая предполагает, что язык формирует наше восприятие реальности. При этом в лингвистике широко бытовало мнение, что область цвета является идеальной областью для иллюстрации произвольной природы языка. Физики рассматривают цветовой спектр как непрерывную шкалу световых волн различной длины, варьирующейся от 40 до 72 сотых долей миллиметра, но языки выделяют различные части этой шкалы совершенно произвольно и без четких границ. В значении таких названий цветов, как фиолетовый, синий, зеленый, желтый, оранжевый, красный и названия цветов на разных языках не охватывают одни и те же градации. Б. Берлин и П. Кей стремились оспорить эту веру в относительность и предположили, что в цветовой терминологии существует основополагающий принцип универсальности. Они утверждали, что, несмотря на различия в том, как разные языки разделяют цветовую гамму, в разных культурах существуют согласованные закономерности, обусловленные общностью природы цвета и физиологии человека.

В своем исследовании Б. Берлин и П. Кей проанализировали данные из 98 языков и определили иерархию цветowych терминов. Они обнаружили, что языки, как правило, разрабатывают базовые цветowe термины в определенном порядке: сначала появляются термины для обозначения черного и белого, затем красного, затем зеленого или желтого и, наконец, синего. Эта иерархия рассматривалась как свидетельство существования универсальных принципов, управляющих развитием цветовой терминологии.

Что касается методологии, использованной Б. Берлином и П. Кеем, то они опирались на комбинацию лингвистического анализа и межкультурного сравнения, чтобы определить базовые цветowe термины в каждом языке.

Они также изучили культурное значение различных цветов и то, как они использовались в различных контекстах.

Результаты их исследования были революционными по крайней мере в трех отношениях.

Во-первых, как утверждают авторы, им удалось показать, что цветовая классификация не случайна и значения основных цветовых терминов одинаковы во всех языках.

Во-вторых, что стало неожиданностью для Б. Берлина и П. Кея, существует универсальный процесс, который предусматривает фиксированный порядок кодирования базовых цветов в определенном языке. Этот процесс можно было бы свести к семи этапам:

- 1) стадия I: чёрный и белый;
- 2) стадия II: красный;
- 3) стадия III: зелёный либо жёлтый;
- 4) стадия IV: зелёный и жёлтый;
- 5) стадия V: синий;
- 6) стадия VI: серый и коричневый;
- 7) стадия VII: фиолетовый, розовый, оранжевый и т. д.

В-третьих, за исключением некоторых единичных случаев (в частности, венгерского и русского), ни в одном языке не насчитывается более одиннадцати базовых цветов.

Теория Берлина-Кея вызвала значительный резонанс среди лингвистов и в целом получила положительные отзывы, несмотря на ее революционное содержание. Хотя теория Б. Берлина и П. Кея оказала бесспорное влияние на исследование семантики цвета, она также столкнулась и с критикой. Первый критический аргумент сводится к тому, что теория чрезмерно упрощает сложность цветовой классификации и не учитывает культурные и языковые различия. Второй аргумент связан с тем, что иерархия, предложенная Берлином и Кеем, не является универсально применимой и может находиться под влиянием западных культурных предубеждений.

В ответ на критические замечания П. Кей ввел модификации в теорию [Кау, 1975]. Колоратив *серый* получил статус «игральной карты» (wild-card), что означает, что он может появляться в языке раньше, чем было предложено в исходной последовательности. Еще одним важным нововведением стало утверждение П. Кея о том, о том, что отдельные носители языка в обществе могут иметь разное количество базовых цветообозначений.

Следующим теоретическим шагом в развитии универсалистской теории стала попытка П. Кея и К. МакДэниела [Кау, McDaniel, 1978] смоделировать объяснение наблюдаемых фактов с помощью данных нейрофизиологии. Для этого они обратились к данным Де Валуа, утверждавшего, что существует шесть типов клеток, четыре из которых определяют оттенок, а два — яркость. Клетки организованы в две пары: сине-желтую и зелено-крас-

ную. П. Кей и К. МакДэниел утверждали, что все основные цветовые категории можно рассматривать как сформированные из шести фундаментальных категорий нейронных реакций зрительной системы человека. Отсюда авторы вывели разделение шести *первичных базовых колоративов* (six Primary Basic Terms) и девяти *вторичных базовых колоративов* (Secondary Basic Terms), которые могут потенциально объективироваться в языке.

В ответ на критику теории был запущен проект World Colour Survey (WCS), охватывающий большое разнообразие лексиконов цветообозначения из языков мира. Более широкий спектр данных привнес много новых идей, но подтвердил основное направление исходных гипотез Б. Берлина и П. Кея о существовании семантических универсалий в базовых цветовых лексиконах и системы частичных ограничений на эволюционное развитие базовых колоративов [Color Naming, 1997]. Итоговые положения теории базовых цветов были сформулированы П. Кеем и Л. Маффи [Kay, Maffi, 1997], постулировавшим, что цветовая лексика любого языка в определённый момент может принимать большое количество колоративов, оставаясь при этом в пределах, установленных биологией человека.

К наиболее значимым альтернативным проектам теории Берлина-Кея относится «теория преимуществ» (vantage theory) Р. МакЛори, разработанная на основе материалов проекта Mesoamerican Color Survey [MacLauri, 1997]. Р. МакЛори эмпирически зафиксировал «экзотические» категории, не соответствующие исходной последовательности, обозначенной Б. Берлином и П. Кеем. Методология Р. МакЛори связана с понятием фигуры и фона, выработанными в рамках когнитивной психологии и когнитивной лингвистики.

Несмотря на рассмотренные попытки найти естественно-научные истоки лексики цветообозначения, в современной науке доминирует структурно-семантический подход к колоративам, который основывается на изучении содержания цветообозначения как лексической единицы с содержанием, отраженным в лексикографических источниках. Особенность когнитивного подхода заключается в рассмотрении колоратива в языке как отражение концепта в сознании человека. Концепт представлен набором признаков, которые актуализируются в дискурсе, поэтому концептуальные признаки могут быть смоделированы на основе лингвистических данных в экстралингвистическом контексте дискурса.

Также большинство современных исследований колоративов основывается на материале художественной литературы [Антонова, 2021; Бабулевич, 2014; Горжая, 2021; Катермина, Комогорцева, 2021; Колягина, Захарова, 2021; Кривошлыкова, 2018; Лысоиваненко, 2018; Мартынова, 2011; Масолова, 2017; Ольхова, 2019; Садриева, 2016; Федорова, 2017], в то время как анализу цветообозначений в СМИ не уделяется достаточного внимания.

В нашем предыдущем исследовании [Бронникова, 2023] были рассмотрены особенности функционирования колоратива *vert* в медиадискурсе

Франции. В настоящем исследовании рассматривается базовый колоратив *bleu*.

4. Концептуальные признаки колоратива *bleu*

Анализ эмпирического материала позволил выявить пять признаков концепта BLEU, которые наиболее часто актуализируются с помощью колоративных словоформ в современных СМИ Франции.

Данный колоратив может отражать следующие концептуальные признаки:

Признак 1. «Голубой (синий) цвет». BLEU – это один из базовых цветов, которые используются для описания различных объектов и явлений. Группа включает все аспекты цвета, разной насыщенности и оттенков. Ср.:

1. *Horlogerie: nuances de bleu* (Le Figaro, 14.04.2023). – *Производство часов: оттенки синего.*

2. *Bleu pâle, couleur du printemps* (Le Figaro, 27.03.2023). – *Бледно-голубой, цвет весны.*

3. *XV de France: le bleu du nouveau maillot est celui du drapeau tricolore* (La redaction, 06.04.2023). – *XV Франции: синий цвет новой майки соответствует цвету трехцветного флага.*

4. *Twitter: les badges bleus de certains utilisateurs de retour... mais sans leur consentement* (Le Figaro, 23.04.202). –

Твиттер: синие значки некоторых пользователей возвращаются... но без их согласия.

5. *L'orchidée bleue: tout savoir sur cette fleur* (Le Figaro, 17.10.2022).

Голубая орхидея: все, что нужно знать об этом цветке.

6. *Le mannequin a fait sensation ce 27 mars, en arrivant sur le tapis rouge des iHeart Radio Music Awards dans une robe bleue qui laissait entrevoir la moitié de son corps* (Le Figaro, 28.03.2023).

Модель произвела фурор 27 марта, появившись на красной дорожке церемонии вручения премии iHeart Radio Music Awards в синем платье, которое открывало половину ее тела.

7. *5 races de chats aux yeux bleus* (Le Figaro, 19.10.2021).

5 пород кошек с голубыми глазами.

8. *Ces derniers présentant sur ses emballages bleus des couleurs verte, rouge et blanche, rappelant celles du drapeau italien* (Le Figaro, 21.10.2022).

Последние имеют на своих упаковках зеленый, красный и белый цвета, напоминающие цвета итальянского флага.

Признак 2. «Рабочая одежда». Синяя одежда ассоциируется с рабочим классом, поэтому данный колоратив может быть использован для описания как рабочей одежды, так и для описания стилизации одежды. Ср.:

1. *Le bleu de travail, l'uniforme des urbains* (Le Figaro, 11.03.2019).

Рабочий синий, униформа городских.

2. *Bleu de travail, le nouveau trench* (Le Figaro, 26.10.2017).

Рабочий синий, новый тренч.

Основой для словосочетания «*bleu de travail*» стал рабочий синий костюм. Этот синий костюм стал так называться, потому что именно синий цвет был выбран в качестве стандартного цвета такого типа одежды во Франции и других странах. Цвет «bleu» (голубой) был выбран из-за своей практичности и универсальности, так как он не слишком заметен для глаз и скрывает сильное загрязнение. Таким образом, синий цвет стал ассоциироваться с рабочей одеждой на основе метонимического переноса.

Признак 3. «Эмоции». Эта группа концептов связана с тем, что «bleu» может описывать человеческие эмоции и личностные характеристики, такие как мечтательность, романтичность, грусть, обиду и страх.

Мечтательность:

1. *Nantes-Lorient: Alban Lafont rêve en bleu* (Le Figaro, 12.02.2023).

Нант-Лорьян: Альбан Лафон мечтает в синем.

2. *Euro féminin: le rêve bleu d'une première finale s'envole* (Le Figaro, 12.07.2022).

Евро среди женщин: голубая мечта о первом финале улетает.

3. *Aladdin se rêve en bleu dans une nouvelle bande-annonce* (Le Figaro, 12.03.2019).

Аладдин мечтает о себе в синем в новом трейлере.

Страх:

1. *La détermination paranoïaque d'un homme isolé depuis deux ans par sa peur bleue du Covid...* (Le Figaro, 24.02.2022).

Параноидальная решимость человека, который был изолирован в течение двух лет из-за своего синего страха перед Covid...

Признак 4. «Синяк». Данный признак означает не только синяк в прямом значении, но и психологические переживания, то есть используется в метафорическом значении.

1. *Les bleus à l'âme de Geneviève Asse* (Le Figaro, 02.07.2014).

Синяки в душе Женевиэвы Ассе.

«Les bleus à l'âme» означает, что человек испытывает грусть, тоску, уныние и может чувствовать себя «раненым» в душе, как если бы у него были синяки. Это выражение обычно используется для описания эмоциональной боли, которую можно испытывать в результате потери близкого человека, разрыва отношений, неудачи или других трудностей в жизни.

Признак 5. «Полиция». Лексема «bleu» во Франции ассоциируется со стражами порядка, с сотрудниками полицейской службы, миротворцами, вооруженными силами ООН.

Полиция:

1. *Le ton a été ferme et la consigne, limpide: il faut remettre (beaucoup) plus de bleu dans la rue* (Le Figaro, 12.09.2022).

Тон был твердым, а указание четким: на улице должно быть (намного) больше синего.

Миротворцы ООН:

1. *Mali: un tribunal condamne à mort un homme pour le meurtre de trois casques bleus en 2019* (Le Figaro, 25.01.2023).

Мали: суд приговорил мужчину к смертной казни за убийство трех миротворцев в 2019 году.

2. *Ces dernières semaines, plusieurs États contributeurs à la Minusma ont retiré leurs Casques bleus de ce pays* (Le Figaro, 22.11.2022).

В последние недели несколько государств, предоставляющих войска для Минусма, вывели своих миротворцев из этой страны.

3. *Mali: six civils et deux Casques bleus tués par des engins explosifs improvisés* (Le Figaro, 03.06.2022).

Мали: шесть мирных жителей и два миротворца убиты самодельными взрывными устройствами.

Лексема "bleu" используется в сфере полиции из-за ленточек или бирок синего цвета, которые носят на униформе полицейские, чтобы отличаться от других служб и организаций. Во Франции, например, такую ленточку с гербом полиции носят на груди. Она символизирует принадлежность к полицейскому ведомству и служебный статус.

Как показывает анализ, колоратив «bleu» содержит большое количество признаков, которые вербализуются в современных СМИ Франции. При этом некоторые из этих признаков не находят отражение в современных словарях. К примеру, значения колоратива «спецодежда» или «синяк» представлены в лексикографических источниках, в то время как использование колоратива bleu для обозначения полицейских не нашло еще отражения в словарях.

Типы когнитивных проекций, задействованных при актуализации концепта BLEU.

На основе проделанной работы, можно выделить три типа когнитивных проекций, задействованных при актуализации концепта «vert» в современных СМИ Франции.

Первый тип. Денотативная проекция. Она заключается в передаче характеристик цвета на объект, на который направлен концепт, что выражается на языковом уровне использованием слова в его основном значении.

1. *Le Grand Bleu, la bande-annonce* (Le Figaro, 23.05.2023).

Большой синий, трейлер.

2. *Bleu pâle, couleur du printemps* (Le Figaro, 27.03.2023).

Бледно-голубой, цвет весны.

3. *Le néon bleu: habitat, alimentation et prix* (Le Figaro, 25.12.2022).

Синий неон: среда обитания, еда и цена.

Второй тип. Метафорическая проекция. В метафорической проекции цветовые характеристики передаются на объекты с помощью аналогий и переноса концептуальных признаков.

1. *Les bleus à l'âme de Geneviève Asse* (Le Figaro, 02.07.2014).

Синяки в душе Женевиэвы Ассе.

Третий тип. Метонимическая проекция. При метонимической проекции цветовые характеристики передаются на объекты путем переноса концептуальных признаков на целевой концепт на основе их смежности внутри когнитивной структуры. Это отражается на речевом уровне через использование лексемы во вторичном, метонимическом значении.

1. *Le ton a été ferme et la consigne, limpide: il faut remettre (beaucoup) plus de bleu dans la rue* (Le Figaro, 12.09.2022). *Тон был твердым, а указание четким: на улице должно быть (намного) больше синего.*

5. Заключение

Как показывает анализ, в СМИ Франции широко востребованы колоративы, вербализующие признаки концепта BLEU. При этом наиболее востребованы пять концептуальных признаков:

Признак 1. «Голубой цвет».

Признак 2. «Связанный с рабочей одеждой».

Признак 3. «Эмоции».

Признак 4. «Синяк».

Признак 5. «Полиция».

Важно отметить, что не все концептуальные признаки, актуализируемые в современных СМИ Франции, представлены в описании плана содержания анализируемой лексемы в лексикографических источниках, что свидетельствует о том, что когнитивный подход расширяет возможности по изучению актуальной семантики колоративов. Динамический характер семантики цветообозначений требует дискурсивного подхода к анализу колоративов, с целью отслеживания новообразований. Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход демонстрирует возможности изучения процессов функционирования колоративов в современном французском языке, недоступные в структурной парадигме.

Расширение когнитивно-семантического объема колоратива *bleu* реализуется с помощью набора когнитивных операций, а именно разного рода проекций. Актуализация признаков реализуется с помощью трех когнитивных операций: денотативная проекция (прямая номинация), метафорическая проекция (вторичная номинация) и метонимическая проекция (вторичная номинация). Показательно, что подавляющее число примеров со вторичным значением основаны на метонимической, а не метафорической проекции.

Список литературы

Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

Антонова, М. В. Колоратив «белый» в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» / М. В. Антонова, С. Х. Алмалчи хамид. – Текст : непосредственный // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 84–86.

Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Наука, 2017. – 296 с. – Текст : непосредственный.

Бабулевич, С. Н. Цветообозначение как средство реализации концепта «Родина» в художественной картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бабулевич Светлана Николаевна ; Казанский федеральный университет. – Калининград, 2014. – 181 с. – Текст : непосредственный.

Бронникова, Е. Д. Концептуальные признаки колоратива *vert* в СМИ Франции / Е. Д. Бронникова. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2023. – № 1. – С. 20–33.

Василевич, А. П. Цвет и название цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – Москва : КомКнига, 2005. – 216 с. – Текст : непосредственный

Горжая, А. А. «Цветовая картина мира»: семантика колоративов в прозе Маргарет Этвуд / А. А. Горжая. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 104–113.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с. – Текст : непосредственный.

Катермина, В. В. Колоративная лексика в художественном пространстве произведений Оскара Уайльда / В. В. Катермина, А. С. Комогорцева. – Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2021. – № 7. – С. 64–69.

Колягина, Т. Ю. Структурно-семантические модели сложных колоративов в цикле рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-январе» / Т. Ю. Колягина, А. И. Захарова. – Текст : непосредственный // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 13–22.

Кривошлыкова, Л. В. Колоратив черный в романе писателя-билингва Владимира Набокова «Камера обскура. *Laughter in the dark*» / Л. В. Кривошлыкова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. № 1. – С. 129–138.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Лысоиваненко, Е. Г. Приёмы актуализации значений колоративов в прозе М. А. Булгакова / Е. Г. Лысоиваненко. – Текст : непосредственный // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – № 2 (22). – С. 70–76.

Мартьянова, Н. А. Полевое описание элокутивных колоративов (на материале произведений А. И. Куприна) / Н. А. Мартьянова. – Абакан : Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2011. – 146 с. – Текст : непосредственный.

Масолова, Е. А. Колоративы в системе дискурсивных стратегий повествования Л. Н. Толстого (на материале романа «Воскресение») / Е. А. Масолова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159. – № 1. – С. 92–106.

Ольхова, О. Н. Особенности колоративной лексики в художественных произведениях Ирины Муравьевой / О. Н. Ольхова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 7. – С. 138–142.

Рубан, Ю. О. Структурно-семантический и прагматический аспекты использования колоративов в английской и испанской детской литературе / Ю. О. Рубан, Е. С. Мучкина. – Текст : непосредственный // Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы : сборник научных статей. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020. – С. 269–275.

Садриева, К. Э. Семантика адъективных колоративов в художественной прозе А.И. Куприна и А.С. Серафимовича / К. Э. Садриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 111–118.

Федорова, Т. В. Колоративы в поэтических текстах А. К. Толстого / Т. В. Федорова. – Текст : непосредственный // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 231–236.

Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. – Москва : Наука, 1984. – 175 с. – Текст : непосредственный.

Berlin, V. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / V. Berlin, P. Kay. – Berkeley : University of California Press, 1969. – 178 p. – Текст : непосредственный.

Color Naming across Languages / P. Kay, V. Berlin, L. Maffi, W. Merrifield. – Текст : непосредственный // Color Categories in Thought and Language / Ed. by C. L. Hardin, L. Maffi. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 21–56.

Kay, P. Synchronic Variation and Diachronic Change in Basic Color Terms / P. Kay. – Текст : непосредственный // Language in Society. – 1975. – Vol. 4. – P. 257–270.

Kay, P. The Linguistic Significance of the Meaning of Basic Color Terms / P. Kay, C. K. McDaniel. – Текст : непосредственный // Language. – 1978. – Vol. 54(3). – P. 610–646.

Kay, P. Color Appearance and the Emergence and Evolution of Basic Color Lexicons / P. Kay, L. Maffi. – Текст : непосредственный // American Anthropologist. – 1999. – Vol. 101, no. 4. – P. 743–760.

MacLaury, R. (1997). *Color and Cognition in Mesoamerica: Constructing Categories as Vantages*. – Austin : University of Texas Press. – 644 p. – Текст : непосредственный.

Получена: 19.05.2023

Принята: 22.06.2023

CONCEPTUAL FEATURES OF COLORATIVE *BLEU* IN THE FRENCH MEDIA

E. D. Bronnikova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
law-kate1996@yandex.ru

E. V. Budaev

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
aedw@rambler.ru

Abstract. This article deals with colour term *bleu* in the texts of the French media. The contexts from the French media for the period from 2008 to 2023 were used as research material. The study was carried out within the framework of the cognitive-discursive approach, which implies the analysis of the conceptual features of the color terms in an extralinguistic context. As the analysis shows, in the French media there is a great demand for color words that verbalize the features of the BLEU concept. At the same time, five conceptual features are most in demand: “blue color”, “associated with work clothes”, “emotions”, “bruise”, “police”. Not all conceptual features updated in modern French media are presented in the description of the content plan of the analyzed lexeme in lexicographic sources, which indicates that the cognitive approach expands the possibilities for studying the actual semantics of color naming. The actualization of features is implemented using three cognitive operations: denotative projection (direct nomination), metaphorical projection (secondary nomination) and metonymic projection (secondary nomination).

Key words: political discourse, Russian media, conceptual metaphor, D.Trumps image, metaphorical image.

References

Arutyunova, N. D. (1990). *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yarceva (Ed.). *Linguistic encyclopedic dictionary* (pp. 136-137). Moscow: Sovetskaya enciklopediya.

Antonova, M. V. (2021). *Kolorativ «belyj» v romane I. S. Turgeneva «Dvorjanskoe gnezdo»* [The «colorative white» in I.S. Turgenev's novel «the noble nest»]. *Scientific notes of the Orel State University*, 4, 84–86.

Ahmanova, O. S. (2017). *Oчерки по obshchej i russkoj leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow: Nauka.

Babulevich, S. N. (2014) *Cvetooboznachenie kak sredstvo realizacii koncepta «Rodina» v hudozhestvennoj kartine mira S. Yesenina* [Color designations as a means of realizing the concept of "Homeland" in the artistic picture of the world S. Yesenina]. [Candidate Dissertation, Kazan Federal University].

Berlin, B. & Kay, P. (1969). *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley: University of California Press.

Bronnikova, E. D. (2023). Kontseptual'nyye priznaki kolorativa vert v SMI Frantsii [Conceptual features of colorative vert in the French media]. *Scientific Notes of NTSSPI. Series: History & Philology*, 1, 20–33.

Vasilevich, A. P. (2005) *Cvet i nazvanie cveta v russkom yazyke* [Color and color names in Russian]. Moscow: KomKniga.

Gorzhaya, A. A. (2021). «Cvetovaya kartina mira»: semantika kolorativov v proze Margaret Etvud [The color picture of the world]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 104–113.

Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.

Katermina, V. V. (2021). Kolorativnaya leksika v hudozhestvennom prostranstve proizvedenij Oskara Uajl'da [Colorative vocabulary in the artistic space of Oscar Wilde's works]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti*, 7, 64–69.

Kay, P. (1975). Synchronic Variation and Diachronic Change in Basic Color Terms. *Language in Society*, 4, 257-270.

Kay, P. & Maffi, L. (1999). Color Appearance and the Emergence and Evolution of Basic Color Lexicons. *American Anthropologist*, 101(4), 743-760.

Kay, P. & McDaniel, C. K. (1978). The Linguistic Significance of the Meaning of Basic Color Terms. *Language*, 54(3), 610–646.

Kay, P., Berlin, B. Maffi, L. & Merrifield, W. (1997). Color Naming across Languages. In Hardin, C.L. & Maffi, L. (eds.), *Color Categories in Thought and Language* (pp. 21-56). Cambridge: Cambridge University Press.

Kolyagina, T. Y. (2021). Strukturno-semanticheskie modeli slozhnyh kolorativov v cikle rasskazov E. D. Ajpina «Reka-v-yanvare» [Structural and semantic models of complex coloratives in the cycle of short stories by E. D. Aipin «River-in-January»]. *Filologicheskij vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 13–22.

Krivoshlykova, L. V. (2018) Kolorativ chernyj v romane pisatelya-bilingva Vladimira Nabokova «Kamera obskura. Laughter in the dark» [The color black in the novel by bilingual writer Vladimir Nabokov «Laughter in the dark»]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 1, 129–138.

Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow: Editorial URSS.

Lysoivanenko, E. G. (2018). Priyomy aktualizacii znachenij kolorativov v proze M. A. Bulgakova [Techniques for updating the meanings of coloratives in the prose of M. A. Bulgakov]. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki*, 2 (22), 70–76.

Mart'yanova, N. A. (2011). *Field description of eloquent coloratives* [Candidate Dissertation, Khakass University].

Masolova, E. A. (2017). Kolorativy v sisteme diskursivnyh strategij povestvovaniya L. N. Tolstogo [Coloratives in L. N. Tolstoy's System of discursive Narrative Strategies]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, 1, 92–106.

MacLaury, R. (1997). *Color and Cognition in Mesoamerica: Constructing Categories as Vantages*. Austin: University of Texas Press.

Ol'hova, O. N. (2019) Osobennosti kolorativnoj leksiki v hudozhestvennyh proizvedeniyah Iriny Murav'evoy [Features of the colorative vocabulary in the works of Irina Muravyeva]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7, 138–142.

Ruban, Y. O. (2020). Strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty ispol'zovaniya kolorativov v anglijskoj i ispanskoj detskoj literature [Structural-semantic and pragmatic aspects of the use of coloratives in English and Spanish children's literature]. In *Voprosy perevodovedeniya, mezhkul'turnoj kommunikacii i zarubezhnoj literatury* (pp. 269–275). Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.

Sadrieva, K. E. (2016). Semantika adektivnyh kolorativov v hudozhestvennoj proze A. I. Kuprina i A. S. Serafimovicha [Semantics of adjectival coloratives in the fiction of A. I. Kuprin and A.S. Serafimovich]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 111–118.

Fedorova, T. V. (2017). Kolorativy v poeticheskikh tekstah A. K. Tolstogo [Coloratives in the poetic texts of A. K. Tolstoy]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 231–236.

Frumkina, R. M. (1984) *Cvet, smysl, skhodstvo* [Color, meaning, similarity]. Moscow: Nauka.

Submitted: 19.05.2023

Accepted: 22.06.2023

УДК 811.111-26

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА БИБЛИОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БИБЛИОНИМОВ И ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

О. Д. Давыдкина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
lesyadavydkina22@yandex.ru

Л. Ю. Дондик

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
dondik2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии перевода библионимов. Исследование построено на материале англоязычных библионимов и их перевода на русский язык. Авторы статьи считают, что качество перевода библионима во многом зависит от корректного выбора и реализации стратегии перевода, что, в свою очередь, обусловлено не только субъективными предпочтениями, опытом и компетентностью переводчика, но и, прежде всего, типом и функционалом оригинального заголовка. В результате анализа выборки сделан вывод о ведущем по частотности месте стратегии прямого перевода библионимов, которая подразумевает подбор эквивалента, либо применение таких приемов перевода, как транскрипция, транслитерация, калькирование. Прямой перевод нередко показывает свою эффективность для передачи средствами русского языка простых англоязычных библионимов, в состав которых входит одна лексема, как правило, имя существительное – чаще всего, имя собственное или собирательное. Установлено, что в рамках второй по частотности стратегии трансформации используются перестановки, добавления, опущения, замены, в том числе лексико-семантические замены. Стратегия трансформации подходит для перевода аллюзивных, метафорических, полисемантических заголовков книг, а также библионимов, построенных на использовании языковой игры, на употреблении реалий (лакун). Низкочастотной является стратегия полной замены англоязычного библионима при его переводе на русский язык. Это обусловлено стремлением переводчика максимально сохранить авторское оригинальное название произведения.

Ключевые слова: библионим; перевод; стратегия перевода; переводческая трансформация; стратегия прямого перевода; стратегия трансформации; стратегия полной замены.

1. Введение

В современном мире чтение художественной литературы вряд ли может быть признано самым популярным занятием, как это было в прошлых

столетиях. Тем не менее, чтение литературы различных жанров остается актуальным для значительного количества людей. Художественные произведения прошлых лет обретают новое звучание в условиях набирающей обороты изменчивости современного общества [Асратян, 2015]. Важную роль в формировании первого впечатления о художественном произведении играет название.

Как отмечает Н. А. Кожина, «Заглавие открывает и закрывает произведение в буквальном и переносном смысле. Заглавие как порог стоит между внешним миром и пространством художественного текста и первым берет на себя основную нагрузку по преодолению этой границы. В то же время заглавие – это предел, который заставляет нас вновь обратиться к нему, когда мы закроем книгу» [Кожина, 1988, с. 15].

Целый ряд авторов рассматривают функции библионима [Кухаренко, 1979; Кожина, 1987; Ноздрина, 2008; Фатеева, 2010], которому отводится важная роль для понимания читателем всего произведения: рекламная, текстообразующая, стилообразующая, экспрессивная, информативная функции, функция убеждения и многие другие. Также были разработаны различные классификации библионимов, например, А. В. Ламзина выделяет следующие 4 типа названий художественных произведений [Ламзина, 1997].

1. Заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения, например, «*Lord of the Flies*» – «Повелитель мух» (Уильям Голдинг);

2. Заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения, например, «*The Hobbit, or There and Back Again*» – «Хоббит, или туда и обратно» (Джон Р.П. Толкин);

3. Персонажные заглавия, например, «*Martin Eden*» - «Мартин Иден» (Джек Лондон), «*The Forsyte Saga*» – «Сага о Форсайтах» (Джон Голсуорси);

4. Заглавия, обозначающие время и пространство, например, «*Islands in the Stream*» – «Острова в океане» (Эрнест Хемингуэй).

Наряду с названиями других производимых объектов и продуктов, брендами, названиями учреждений, фильмов, произведений искусства, названия книг, согласно классификации онимов, относят к эргонимам [Бауер, 1998].

Объектом настоящего исследования послужили оригинальные англоязычные и переводные русскоязычные библионимы, то есть названия литературных произведений на английском языке и варианты их перевода на русский язык.

Предметом настоящего исследования являются особенности перевода библионимов с английского на русский язык, так как перевод библионимов представляет собой проблему: в заглавии, выступающем инструментом привлечения внимания потенциального читателя, заключается информация

о содержании всего художественного произведения. Кроме того, для переводчика важно посредством переводного онима вызвать нужные ассоциации и эмоции у читателя. Переводчик сталкивается с необходимостью учета культурных, исторических и иных особенностей временного периода, к которому относится произведение.

Для преодоления трудностей перевода лингвист прибегает к различным преобразованиям или приемам перевода, включающим в себя перестановки, добавления, замены или опущения [Бархударов, 1975]. С их помощью у переводчика появляется возможность расширить когнитивную информацию и компенсировать смысловую и жанровую недостаточность дословного перевода.

Т. Г. Никитченко исследует проблему перевода заглавий в своей диссертации «Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода)» и выделяет три основных типа онимов, представляющих наибольшую переводческую сложность: это заглавия, содержащие лакуны, аллюзивные заглавия и заголовки, построенные на полисемии и омонимии [Никитченко, 2000]. Если проблема заключается в наличии лакун, то есть в «отсутствии в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [Попова, Стернин, 1984, с. 149], то свою эффективность доказывают такие приёмы, как аллитерация, объяснительный перевод, замена лакунарного термина родовым понятием (генерализация). При переводе заглавий, содержащих аллюзии, возможно сохранение аллюзивности либо её замена описательностью во избежание возникновения нежелательных ассоциаций у читателя, принадлежащего другой культуре, что в ряде случаев частично лишает заглавие образности.

В случае, когда используется аллюзия, и при переводе полисемичных заголовков, переводчику нередко приходится выбирать одно из возможных значений названия, так как возможности лингвокреативный потенциал языковых средств чаще всего не совпадают в разных языках. Например, роман Э. Хемингуэя *A Farewell to Arms* в русском переводе имеет название «Прощай, оружие!», однако заглавие данного произведения можно перевести и как «Прощайте, объятия!». Текст художественного произведения Хемингуэя апеллирует к обоим толкованиям заголовка: сначала главный герой покидает место военных действий (прощается с оружием), а в конце романа смерть забирает его возлюбленную, ради объятий которой он и расстался с оружием [Папулова, 2014].

Различное восприятие реалий носителями разных культур или их отсутствие в языке, неоднозначная фоновая информация, которой обладают автор текста и читатель перевода, а также разница языковых средств, которыми обладают автор и переводчик, вынуждают переводчика прибегать к трансформациям при переводе заглавий, что ведёт к частичной потере содержащегося в заглавии смысла.

Заглавия с относительной и аллюзивной степенью соотнесенности выходят на первый план, в процентном соотношении занимая большую часть. Например, в заглавии романа Дугласа Адамса *The Hitchhiker's Guide to the Galaxy* – «Автостопом по галактике», у переводчика появилась необходимость передать значение текста или его фрагмента, жертвуя ради этого точным переводом отдельных слов. В идеале вместо дословного перевода должны использоваться функциональные эквиваленты – словосочетания, которые обеспечивают максимально схожее восприятие перевода и оригинала в языковой среде каждого произведения [Исхакова, 2010]; именно благодаря поиску оптимальных функциональных эквивалентов, которые, если не будут тождественны оригиналу, то максимально к нему приблизятся можно найти компромисс, баланс, наиболее подходящую модель перевода. Под последним понимается «условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые лингвист может осуществить перевод» [Комиссаров, 1990, с. 189–190].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужила выборка, включающая 120 библионимов – оригинальных заголовков произведений англоязычной художественной литературы XX века и их переводных русскоязычных вариантов.

В настоящей работе используется методика исследования стратегий перевода, согласно которой использование приемов перевода библионимов определяется общей стратегией перевода, которой отдал предпочтение лингвист-переводчик – стратегии прямого перевода, стратегии трансформации библионима или стратегии полной замены названия [Бальжинимаева, 2009]. Что касается второй стратегии, то заглавия подвергаются трансформациям из-за стилистических, прагматических, лексических и функциональных факторов. Транскрибирование, транслитерация и калькирование применяются в рамках стратегии прямого перевода. В рамках стратегии трансформации библионима используются лексико-семантические замены, или «закономерные замены словарных соответствий в процессе перевода» [Рецкер, 1982, с. 41], которые включают конкретизацию, генерализацию, модуляцию и целостное преобразование [Комиссаров, 1990].

3. Анализ

Как показал проведенный анализ сплошной выборки англоязычных библионимов на русский язык, наиболее часто используемой стратегией перевода заглавий книг является прямой перевод (57% от общего количества примеров выборки). Например, название рассказа Дэниела Киза *Flowers for Algernon*, известного российскому читателю как «Цветы для Элджернона», оправданно не было трансформировано переводчиком. Оним содержит отсылку на самый трогательный кульминационный момент романа, когда его герой Чарли Гордон, 33-летний умственно отсталый уборщик в хлебопе-

карне, добровольно участвующий в эксперименте по повышению интеллекта, хоронит своего друга – мышонка Эджерона – и пишет в своем дневнике: «Если у вас будет возможность, положите, пожалуйста, немножко цветов на могилу Эджерона которая на заднем дворе...».

Другими примерами прямого перевода могут послужить такие библони́мы, как *Martin Eden* / «Мартин Иден» (Джек Лондон), *Sophie's choice* / «Выбор Софи» (Уильям Стайрон), *Midnight's children* / «Дети полуночи» (Салман Рушди), *The Ambassadors* / «Послы» (Генри Джеймс), *Babbitt* / «Бэббит» (Синклер Льюис) и многие другие простые онимы, в состав которых входит одна лексема, как правило, имя существительное – чаще всего, имя собственное или собирательное существительное.

37% библони́мов от общего числа примеров выборки нашего исследования были переведены в рамках стратегии трансформации заглавия. Данная стратегия предполагает более выраженный субъективный фактор в переводе: переводчик принимает решение отойти от форенизации, или курса на максимальное сохранение оригинального заглавия, в пользу доместикации, при которой переводчик больше ориентируется на особенности принимающей культуры, на аудиторию перевода. Например, роман Джона Дос Пассоса *Manhattan transfer* / «Манхэттен» рассказывает о жизни нескольких персонажей в Нью-Йорке конца XIX – начала XX века, чьи судьбы переплетаются по ходу повествования. Название этого романа дословно можно перевести как «Манхэттенское перемещение», что, на наш взгляд, символизировало бы хаотичность и быстроту жизни в этом штате в описанный в романе период. Однако решение переводчика опустить слово «transfer» и акцентировать название города, специфика жизни в котором, и находится в центре внимания, не кажется нам критичным, так как смысл заглавия трансформируется в незначительной степени.

Роман Рэймонда Чандлера *The big sleep* / «Глубокий сон» повествует о расследовании частного сыщика, которого генерал Стернвуд просит разобрататься с шантажистом Артуром Гейгером, имеющим компромат на одну из его дочерей. Название произведения является метафорой, описывающей заблуждения генерала Стернвуда и сыщика Марлоу на счет Кармен, так как в конце произведения жертва оказывается преступницей. Лексическая замена переводчика слова «большой» на прилагательное с более узким значением «глубокий» аргументирована тем, что выражение «глубокий сон» понятнее и привычнее русскоговорящей аудитории.

Роман Томаса Клейтона Вулфа *You Can't Go Home Again* / «Домой возврата нет» посвященный истории жизни писателя Джорджа Уэббера. Произведение Уэббера является автобиографией, из-за чего жители города начинают узнавать себя в героях романа, что приводит к изгнанию Джорджа. Главный герой начинает скитаться по миру, осознавая невозможность вернуться домой. Грамматическая трансформация совершенно уместна, так

как переводчик сохранил смысл библионима, сделав переводной оним емким и экспрессивным для русскоязычного читателя.

Роман *The catcher in the rye* / «Над пропастью во ржи» Джерома Дэвида Сэлинджера написан от лица шестнадцатилетнего Холдена Колфилда, находящегося на лечении в клинике и рассказывающего о его мечте – охранять маленьких детей, играющих в огромном поле ржи, чтобы те не срывались в пропасть. По словам главного героя, это единственное, чего ему хочется по настоящему. Название данного произведения можно перевести дословно как «Ловушка во ржи» или «Ловец во ржи». Слово «catcher» было переведено переводчиком как «пропасть», так как в русском языке слово «ловец» не несёт всех коннотаций, характерных для его английского аналога и не способно передать настроение, заложенное автором.

Антиутопический роман Олдоса Хаксли *Brave New World* / «О дивный новый мир» рассказывает об обществе Лондона далекого будущего, в котором дети рождаются из пробирок, психологические проблемы решаются с помощью таблеток сомы, а главными ценностями являются беззаботность и потребительское отношение к благам прогрессивного государства. Параллельно с новым миром существует индейская резервация, жители которой не подчиняются правилам и живут привычками и обычаями прошлого.

Переводной вариант библионима, на наш взгляд, весьма удачен, так как, с одной стороны, является отсылкой к словам героини трагикомедии «Буря» Уильяма Шекспира в переводе Г. М. Кружкова: «О чудо... Сколько вижу я красивых созданий! Как прекрасен род людской... О дивный новый мир, где обитают такие люди» [Шекспир, 2013]. С другой стороны, переводчик попытался передать иронию, заключенную Олдосом Хаксли в романе, противопоставляя библионим искренне восторженным словам героини произведения Уильяма Шекспира.

Заглавием романа Кена Кизи *One Flew Over the Cuckoo's Nest* / «Над кукушкиным гнездом» послужила строчка из считалки, которую произносит главный герой произведения, Рэндел Макмерфи: «One flew east, one flew west, and one flew over the cuckoo's nest» (Русский вариант: «Кто из дому, кто в дом, кто над кукушкиным гнездом...»). Оригинальный англоязычный библионим дословно можно перевести как «Кто-то пролетел над кукушкиным гнездом» или «Кто-то выпал из кукушкиного гнезда». Переводческое решение сократить название, опустив первые слова перевода считалочки не представляется нам удачным, так как метафора «полет из гнезда» отсылала бы к идее романа об освобождении главных героев из психиатрической больницы.

При переводе на русский язык названия известного постмодернистского романа Томаса Пинчона *Gravity's Rainbow* / «Радуга тяготения», опубликованного в 1973 году, был использован такой вид лексической трансформации, как генерализация. Переводчик намеренно заменяет термин «gravity» на более многозначный и нейтральный синоним «тяготение»,

чтобы подчеркнуть, что это произведение не только о работе центра по разработке и производству военных ракет, но и о чувствах людей, персонажей романа, которые стремятся раскрыть секрет устройства известной немецкой ракеты ФАУ-2, об их страхах перед властью и государством.

Противоположный прием – конкретизация – применен при переводе на русский язык библионима *The sound and the fury* / «Шум и ярость». Речь идет о заглавии романа Уильяма Фолкнера, изданном в 1929 году. Заголовок аллюзивный, так как был заимствован из шекспировского «Макбета» (...And then is heard no more: it is a tale / Told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing). Роман описывает жизнь одного из влиятельных семейств американского Юга глазами одного из его членов, страдающего олигофренией. Именно так, как это обозначено библионимом, он воспринимает все то, через что пришлось пройти его семье: финансовые сложности, потеря статуса и уважения в обществе, трагическая гибель близких. И это особое восприятие событий персонажем хорошо отражает русскоязычная лексема «шум».

При переводе на русский язык заголовка вышедшего в 1999 году романа Чака Паланика *Invisible Monsters* / «Невидимки» была использована такая трансформация, как опущение, в результате чего произошло сокращение библионима, он стал односложным. Роман посвящен жизни бывшей фотомодели, которая лишилась части лица и способности говорить в результате выстрела из ружья в челюсть. Переводной библионим в рамках стратегии трансформации стал более политкорректным и нейтральным.

Другими примерами трансформационного перевода могут послужить такие библионимы, как *The Making of Americans* / «Становление американцев» (Гертруда Стайн), *Miss Lonelyhearts* / «Подруга скорбящих» (Натаназл Уэст), *Marching men* / «В ногу!» (Шервуд Андерсон).

Наиболее редко используемой оказалось стратегия полной замены библионима, которую мы выявили лишь в 6% случаев от общего числа примеров выборки исследования.

Так, герои романа Джеймса Джойса *Finnegans Wake* / «Поминки по Финнегану» погружены в сюжет, представленный в виде цепочки каламбуров и неологизмов. Дословно библионим можно также перевести как «Финнеганы пробуждаются», если не учесть, что оригинальное название отсылает к народной ирландской песне о человеке, воскрешённом «водой жизни» – виски. Таким образом, Джеймс Джойс хотел задать тексту произведения мотив бесконечного возвращения. Использованное же переводчиком новое название «Поминки по Финнегану» в рамках стратегии полной замены библионима полностью изменяет функционал онима, лишая его аллюзии, привнося мрачную тональность.

Полная замена библионима *Beautiful you* / «До самых кончиков» для номинации перевода на русский язык романа Чака Паланика связана, на наш взгляд, с тем, что переводчик отдал предпочтение более интригующему,

экспрессивному и неоднозначному варианту заголовка, который более привлекателен для потенциального читателя по сравнению с прямым переводом.

Еще одним примером стратегии полной замены может быть название всемирно известного детектива Агаты Кристи *And Then There Were None* / «Десять негритят». По задумке автора, 10 негритят – это герои романа, которые оказываются поочередно убитыми, и изначально роман получил название *Ten Little Niggers* в оригинале. Однако Агате Кристи пришлось изменить заголовок, так как для американской аудитории он звучал скандально, противоречил установке на политкорректность, необходимую для избежания конфликтов на почве расизма. Поскольку прямой перевод итогового варианта англоязычного библионима «И затем не было никого» или «И не осталось никого» плохо вписывается в русскоязычные литературные номинативные традиции детективного жанра, сохранена первая версия оригинального названия, ёмко отражающую сюжет романа. Следует также отметить, что русскоязычная лексема *негр* имеет значительно более нейтральное значение по сравнению с англоязычным дисфемизмом *nigger*. К тому же, русскоязычный эквивалент смягчен уменьшительным суффиксом.

Табл. 1. Процентное соотношение стратегий перевода библионимов

Название стратегии перевода библионимов	Процент примеров от общего количества примеров выборки
Стратегия прямого перевода	57 %
Стратегия транформаций	37 %
Стратегия полной замены	6 %
Всего:	100 %

4. Заключение

Итак, перевод библионимов – непростая задача, которая стоит перед переводчиком литературного произведения. Существуют разные типы заголовков книг, отличающиеся друг от друга грамматической структурой, лексическим составом, своим функционалом. То, насколько успешными и оптимальными будут поиск и реализация стратегии перевода библионима, зависит не только от субъективных предпочтений, опыта и компетентности переводчика, но и от типа и функционала оригинального заголовка.

В ходе настоящего исследования, проведенного на материале англоязычных заголовков произведений художественной литературы XX века, было выявлено, что три описанных стратегии перевода (прямой перевод, переводческие трансформации, полная замена онима) актуальны для переводчиков при работе с библионимами.

Англоязычный библионим, выполняющий информативную функцию, например, содержащий имя главного героя, чаще всего переводится с использованием высокочастотной стратегии прямого перевода, то есть с применением приемов транскрибирования, транслитерации, калькирования или путем подбора эквивалента, если таковой имеется в русском языке.

Стратегия использования переводческих трансформаций в процессе перевода библионимов также является весьма распространенной. Это может быть обусловлено необходимостью сделать англоязычный библионим более понятным для русскоязычной аудитории. Для осуществления данной задачи переводчику приходится прибегать к опущению или изменению тех или иных частей заглавия. Так же было отмечено, что переводчик может использовать переводческие трансформации для перевода библионимов, содержащих отсылки на другие произведения, полисемичных заголовков, а также библионимов, построенных на употреблении реалий, каламбуров или метафор. Стратегия трансформации, как правило, требует более активного участия переводчика как литератора, принятия переводческого решения об использовании трансформации или даже о полной замене названия книги, публикуемой в переводе для носителей другого языка и другой культуры. В последнем случае лингвист-переводчик становится в какой-то степени соавтором, соавтором переводного произведения.

Стратегия полной замены библионима используется переводчиками значительно реже стратегий трансформации и прямого перевода. Это обусловлено стремлением переводчика максимально сохранить авторское оригинальное название произведения. При использовании данной стратегии довольно сложно объяснить выбор переводчика и проследить связь между смыслом заглавия и содержанием произведения.

Таким образом, было выявлено, что в нашей выборке стратегия переводческих трансформаций была использована в 37% случаев, стратегия прямого перевода – в 57% случаев, стратегия полной замены названия – в 6% случаев.

В дальнейшем исследование может быть продолжено и дополнено сопоставительным анализом перевода заглавий произведений зарубежной литературы XXI века на русский язык, а также изучением особенностей перевода оригинальных русскоязычных библионимов на иностранные языки.

ЛИТЕРАТУРА

Асратян, З. Д. Дискурс и текст художественного произведения / З. Д. Асратян. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – № 4 (12). – С. 17–20.

Бальжинимаева, Е. Ж. Стратегия перевода названий фильмов / Е. Ж. Бальжинимаева. – Текст : электронный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2009. – URL: <https://refdb.ru/look/3099824.html> (дата обращения: 27.04.2023).

Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 240 с. – Текст : непосредственный.

Исхакова, И. В. Семантические и функциональные особенности заголовочных комплексов художественных текстов (на материале произведений англоязычных авторов XVIII–XX вв.) / И. В. Исхакова. – Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. – 2010. – № 11. – С. 75–81.

Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кожина Наталья Александровна ; Московский государственный университет. – Москва, 1988. – 230 с. – Текст : непосредственный.

Кожина, Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных произведений / Н. А. Кожина. – Текст : непосредственный // Проблемы экспрессивной стилистики / Под ред. Т. Г. Хазагерова. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1987. – С. 111–116.

Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с. – Текст : непосредственный.

Кухаренко, В. А. Интерпретация текста: учебное пособие для студентов педагогических институтов / В. А. Кухаренко. – Москва : Просвещение, 1979. – 327 с. – Текст : непосредственный.

Ламзина, А. В. Заглавие литературного произведения / А. В. Ламзина. – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 1997. – № 3. – С. 75–79.

Никитченко, Т. Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода) : специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Никитченко Татьяна Геннадьевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2000. – 213 с. – Текст : непосредственный.

Ноздрина, Л. А. Современная стилистика : учебное пособие / Л. А. Ноздрина. – Москва : Академия, 2008. – 182 с. – Текст : непосредственный.

Папулова, Ю. К. О проблеме перевода заглавий / Ю. К. Папулова. – Текст : непосредственный // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2014. – № 1. – С. 401–411.

Попова, З. Д. Лексическая система языка: учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 169 с.– Текст : непосредственный.

Фатеева, Н. А. Синтез целого. На пути к новой поэтике / Н. А. Фатеева. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 351 с. – Текст : непосредственный.

Bauer, G. Deutsche Namenkunde / G. Bauer. – Berlin : Weidler, 1998. – 356 s. – Text : electronic. – URL : <https://archive.org/details/namenkundedesdeu>

Шекспир, У. Король Лир. Буря / в переводе Г. Кружкова. – Москва : ООО Издательство «Эксмо», 2013. – 173 с.

Получена: 15.04.2023

Принята: 18.05.2023

BIBLIONYM TRANSLATION STRATEGIES (THE CASE OF ENGLISH BIBLIONYMS AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN)

O. D. Davidkina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
lesyadavydkina22@yandex.ru

L. Yu. Dondik

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
dondik2006@yandex.ru

The article deals with strategies for translating biblionyms. The research is based on the material of English biblionyms and their translation into Russian. The authors of the article believe that the quality of the translation of the biblionym largely depends on the correct choice and implementation of the translation strategy, which, in turn, is due not only to the subjective preferences, experience and competence of the translator, but also, above all, the type and functionality of the original title. As a result of the analysis of the sample, a conclusion was made about the leading place in terms of frequency of the strategy of direct translation of biblionyms, which implies the selection of an equivalent, or the use of such translation techniques as transcription, transliteration, calculus. Direct translation often shows its effectiveness for transmitting simple English biblionyms by means of the Russian language, which include one lexeme, as a rule, a noun – most often, a proper name or a collective one. It is established that within the framework of the second most frequent transformation strategy, permutations, additions, omissions, substitutions, including lexico-semantic substitutions, are used. The transformation strategy is suitable for the translation of allusive, metaphorical, polysemantic titles of books, as well as biblionyms based on the use of a language game, on the use of realities (lacunae). The

low-frequency strategy is the complete replacement of the English biblionym when it is translated into Russian. This is due to the translator's desire to preserve the author's original title of the work as much as possible.

Key words: biblionym; translation; translation strategy; translation transformation; transformation strategy; direct translation strategy; strategy of complete replacement.

References

Asratyan, Z. D. (2015). Diskurs i text khudozhestvennogo proizvedeniya [Discourse and text of a literary work]. *Vestnik YuRGU. Linguistics*, 12 (4), 17–20.

Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazik i perevod (Voprosi obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and private theory of translation)]. Moscow: Mejdunarodniye otnosheniya.

Bauer, G. (1998). *Deutsche Namenkunde*. Berlin: Weidler.

Balzhinimayeva, Ye. G. (2009). Strategiya perevoda nazvaniy filmov [The strategy of translation of film titles]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazik. Literatura. Kultura*. Retrieved from <https://refdb.ru/look/3099824.html>

Fateeva, N. A. (2010). *Sintez tselogo. Na puti k novoy poetike* [Synthesis of the whole. On the way to new poetics]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Iskhakova, I. V. (2010). Samanticheskiye i funktsionalniye osobennosti zagolovochnikh kompleksov khudozhestvennaikh tekstov (na materiale proizvedeniy angloyazichnikh avtorov XVIII–XX v.) [Semantic and functional features of heading complexes of literary texts (based on the works of English-speaking authors of the 18th–20th centuries)]. *Vestnik OGU*, 11, 75–81.

Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekti)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Visshaya shkola.

Kozhina, N. A. (1987). Sposobi virajeniya ekspressii v zaglaviyakh khudozhestvennikh proizvedeniy [Ways of expressing expression in the titles of works of art]. In *Problemi ekspressivnoy stilistiki* (pp. 111–116). Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House.

Kozhina, N. A. (1988). *Zaglaviye khudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funktsii, parametri tipologii* [Title of a work of art: ontology, functions, typology parameters]. [Candidate dissertation, Moscow State University].

Kukhareno, V. A. (1979). *Interpretatsiya teksta* [Interpretation of the text]. Moscow: Prosveshcheniye.

Lamzina, A. V. (1997). Zaglaviye literaturnogo teksta [The title of a literary work]. *Russkaya slovestnost*, 3, 75–79.

Nadezdina, N. G. (2015). *Perevodcheskiye transformatsii i priyomi perevoda* [Translation transformations and techniques]. Nizhniy Novgorod.

Nikitchenko, T. G. (2000). *Subyektivni faktor v khudozhestvennom tekste: lingvisticheskiy i psikhologicheskiy aspekti (na materiale perevoda)* [Subjective

factor in a literary text: linguistic and psychological aspects (based on translation)]. [Doctoral dissertation, Kuban State University].

Nozdrina, L. A. (2008). *Sovremennaya stilistika* [Modern stylistics]. Moscow: Academia.

Papulova, Yu. K. (2014). O probleme perevoda zaglavii [On the problem of translation of titles]. *Russkiy yazik i kultura v zerkale perevoda*, 1, 401–411.

Popova, Z. D. & Sternin, I. A. (1984). *Leksicheskaya sistema yazika* [Lexical system of language]. Voronezh: Voronezh University Publishing House.

Shakespeare, W. (2013). *Korol Lir. Burya* [King Lear. Storm]. Moscow, Eksmo.

Submitted: 15.04.2023

Accepted: 18.05.2023

УДК 81-25

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ХЕДЖИРОВАНИЕ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ

Е. М. Петрова

Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия
p.elena_98@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается явление лингвистического хеджирования и способы его реализации в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе на материале диалогов, извлеченных из British National Corpus (BNC) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). С целью изучения данного феномена в исследовании применялся метод корпусной лингвистики, а также метод лингвистического описания. Проведя анализ составленного двуязычного корпуса разговорной речи, удалось доказать, что как в англоязычном, так и в русскоязычном разговорном дискурсе хеджирование проявляется на различных языковых уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом. Кроме того, сделан вывод, что наиболее употребляемый класс хеджей в сравниваемых дискурсах – преграды, однако стоит заметить, что данный класс на 20% чаще встречается среди англоговорящих коммуникантов. Также были обнаружены существенные расхождения в частотности употребления хеджей правдоподобия и атрибутивных хеджей.

Ключевые слова: лингвистическое хеджирование, хеджи-аппроксиматоры, хеджи-преграды, средства реализации, англоязычный разговорный дискурс, русскоязычный разговорный дискурс

Благодарности: Работа выполнена в рамках гранта ЧелГУ «Фонд поддержки научных инициатив»

1. Введение

Характерным свойством любой разговорной речи является вежливое достижение коммуникативной интенции собеседников посредством косвенной передачи их мыслей, предложений, желаний и др. Уместно отметить, что для обеспечения достижения своей цели коммуниканты зачастую применяют целый ряд вспомогательных средств, среди которых можно выделить хеджи.

В своей основополагающей работе Дж. Лакофф впервые рассматривает хеджирование как лингвистический феномен, однако он указывает на относительно ограниченный набор средств реализации хеджей, включающий определенные лексические единицы и фразы, трансформирующие семантику высказывания. Так, американский лингвист-исследователь причисляет хеджи к словам или словосочетаниям, функция которых заключается в выражении вещей и фактов неточно [Lakoff, 1972].

Впоследствии, достигнув более широкого применения, понятие «хеджирование» стало объединять различные средства выражения неопределенности, нечеткости и неуверенности, с помощью которых стали возможными различные языковые проявления мыслей и чувств собеседников [Gribanova, 2022; Vlasyan, Petrova, 2022]. В связи с этим нами была предпринята попытка выявить и сопоставить способы реализации хеджирования в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе.

2. Материал и методика исследования

С целью проведения анализа устной разговорной речи посредством программного обеспечения “AntConc” составлен корпус англоязычной и русскоязычной разговорной речи, включающий по 1000 разговорных диалогов на английском и русском языках, выявленных приемом сплошной выборки из таких корпусов текстов, как BNC и НКРЯ. Кроме того, при помощи программы “TagAnt” автоматически проведена частеречная разметка (Part-of-Speech Tagging) корпуса диалогов, а также с использованием облачной программы “Taguette” механически присвоены теги, соответствующие классам хеджей (<R> – раундеры, <Ad> – адаптеры, <PIN> – хеджи правдоподобия, <AttH> – атрибутивные хеджи).

Применение методов корпусной лингвистики имеет особое значение в случае исследования такого прагматического феномена, как хеджирование, конкретная функция которого в значительной степени зависит от контекстуальных особенностей его употребления [Kaltenböck et al., 2010, p. 2]. В дополнение к такому социально-прагматическому подходу решения проблемы, беря за основу лингвистический корпус, предоставляется возможность исследовать хеджи в контексте «реального языка, который встречается в естественных текстах» (“the actual language used in naturally occurring texts”) [Biber, Conrad & Reppen, 1998, p. 1]. Именно данный подход выступает в качестве одного из самых достоверных способов определения сходств и различий между англоязычным и русскоязычным разговорным дискурсом касательно существующих средств реализации хеджирования.

3. Анализ

Путем создания аннотированного корпуса разговорной речи нам удалось выявить разнообразные средства реализации, характерные для разговорного дискурса сопоставляемых лингвокультур. В таблице 1 отражены результаты, полученные нами после соотнесения выделенных средств выражения лингвистического хеджирования в разговорном дискурсе с предложенными Э. Принс классами хеджей.

Согласно типологии хеджирования Э. Принс, существует два основных класса хеджей: *аппроксиматоры* (approximators), изменяющие все пропозициональное содержание высказывания, и *преграды* (shields), указывающие на отношении говорящего к пропозициональному содержанию. В свою оче-

редь, каждый класс также делится на два подкласса: аппроксиматоры подразделяются на *адаптеры* (adaptors) и *раундеры* (rounders), а преграды на *хеджи правдоподобия* (plausibility hedges) и *атрибутивные хеджи* (attribution hedges) [Prince, Frader, Bosk, 1982].

Таблица 1 – Способы выражения лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе

Класс	Подкласс	Средства выражения	
		Англоязычный РД	Русскоязычный РД
Аппроксиматоры (Approximators)	Раундеры (Rounders)	1. Аппроксиматоры степени / количества 2. Наречия частотности / времени 3. Конструкция: <i>колич. числ. + колич. числ.</i> 4. Детерминативы	1. Аппроксиматоры степени / количества 2. Наречия частотности / времени 3. Сущ. с уменьшительно-ласкательным суффиксом 4. Конструкция: <i>сущ. + порядк. числ.</i>
	Адаптеры (Adaptors)	1. Аппроксиматоры качества 2. Наречия 3. Суффиксы с оценочным значением 4. Детерминативы	1. Аппроксиматоры качества 2. Наречия 3. Суффиксы с оценочным значением 4. Прилагательные
Преграды (Shields)	Атрибутивные хеджи (Attribution Hedges)	1. Сложные хеджи 2. Конструкции – <i>подлежащее</i> (чаще выраженное местоимениями 2-го и 3-го лица) + <i>глагол</i> (to say, to tell, to promise, etc.).	1. Сложные хеджи 2. Конструкции – <i>подлежащее</i> (чаще выраженное местоимениями 2-го и 3-го лица) + <i>глагол</i> (сказать, рассказать, обещать и др.).
	Хеджи правдоподобия (Plausibility Hedges)	1. Эпистемические глаголы 2. Вводные фразы и выражения 3. Наречия 4. Модальные глаголы 5. Разделительные вопросы 6. Условные придаточные предложения 7. Отрицательные конструкции	1. Эпистемические глаголы 2. Вводные фразы и выражения 3. Наречия 4. Глаголы с модальным значением 5. Частицы

Результаты нашего исследования указывают на то, что наиболее используемыми в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе являются хеджи, принадлежащие к классу *преграды* (shields). *Преграды* – это хеджи, которые влияют на прагматику высказывания, вводя имплицатуры, передающие степень приверженности говорящего к пропозиции.

Проведенный анализ употребления хеджирования в разговорном дискурсе свидетельствует о том, что главенствующую позицию как в английском языке, так и в русском занимают хеджи правдоподобия, однако применения атрибутивных хеджей в значительной степени ниже. Стоит отметить, что существует определенная корреляция между употреблением данных классов хеджей в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе. Так, хеджи правдоподобия чаще употребляются в английском языке, тогда как атрибутивные хеджи почти в 3 раза больше используются в русском языке (12,3% по сравнению с 4,6%).

К *хеджам правдоподобия* (plausibility hedges) относятся слова и выражения, указывающие на истинность последующей пропозиции с точки зрения говорящего, а не в абсолютном измерении. Хеджи правдоподобия в рассматриваемых дискурсах могут быть представлены рядом лексических и синтаксических средств, среди которых можно выделить универсальные для обоих дискурсов:

1) эпистемические глаголы (*to think, to presume, to feel, to hope, to find, to suppose, to expect, to believe, to assume, to guess, to suggest, etc.*; думать, считать, чувствовать, прикидывать, надеяться, понимать и др.):

- *I suppose he doesn't want to be seen to be just reacting to your letter he's obviously started doing these things off his own bat anyway hasn't he?*

- *Oh yes.*

- *Yeah.*

- *В шоке, да? А представь, если б это случилось раньше.*

- *Ну раньше, я думаю, вот как раз-таки у них складываются же взгляды немногого на жизнь. Может они это и будут воспринимать как норму. Нет?*

- *Ну, я не знаю вот.*

2) вводные фразы и выражения (*to me, I mean, I'm afraid, you know, I take it, I dare say that, I'm not quite sure, etc.*; может, по-моему, кажется, видимо, скажите, пожалуйста и др.):

- *They, they will have to pick us up I'm afraid, cos our pass is not valued till nine o'clock.*

- *Six o'clock, I mean it won't be very many people who's been invited so we can probably arrange that.*

- *Yeah.*

- *Да. Брат, возможно, даже до сих пор живёт.*

- Да, похо... **по-моему**, да, брат.
- Вот, он сам-то жил в Москве какое-то время. Вот. Мы с ним даже там пару раз общались.

3) наречия (*possibly, perhaps, presumably, probably, hopefully, maybe, reasonably, etc.*; вероятно, возможно, наверное и др.):

- *Who was it?*
- *It was just er...*
- *Estate Agent, **probably**.*
- *Just an Estate Agent, yeah.*

- *Мэритим, Пайн бич...*
- Ну да, он будет, **наверно**, не очень дешёвый, щас посмотрим, конечно, мало ли.
- В Белеке.
- Угу. Так, ну конечно цены кусаются.

4) модальные глаголы / глаголы с модальным значением (*can, could, may, might, would, should*; мочь):

- *What you're saying is you'd like to see more amateur productions?*
- *Yeah.*
- *Fine.*

- Да? Вот им четырнадцатого? Или там я **могу** четырнадцатого-пятнадцатого смотреть?
- Нет, **можете** смотреть, в принципе, пятнадцатого.
- Угу.

Также необходимо добавить, что как для англоязычного разговорного дискурса, так и для русскоязычного существуют специфические средства выражения хеджей правдоподобия. В рамках английского языка данный подкласс хеджей реализуется при помощи следующего набора средств:

1) разделительные вопросы (*..., couldn't you?, ..., may I?, ..., is it?, etc.*):

- *Listen ... though if, we can't keep everything again! If we go through and chuck out all the grotty stuff.*
- *Like what?*
- *Well, wardrobes and stuff like that. Cos, we can get rid of these **can't we?** Sell these?*
- *No!*

2) условные придаточные предложения (*if anything, I was wondering if / whether..., I don't know if / whether..., if I may say so, etc.*):

- *Er, **I wonder if** we should take this to school tomorrow?*
- *Oh great laugh!*
- *Yeah, I tell you what you could take this tape machine to school for me.*

- *Why?*
- *And you could tape it, er imagine it's yours*
- *Yeah.*

3) отрицательные конструкции (*couldn't you..., why don't..., isn't it..., don't you..., etc.*):

- ***Don't they** also have problems with the, with the er the drinks? You know, I mean...*
- *That's a licence question.*
- *... how many people have walked out because they ... they can't have a drink.*
- *Well they can't. It's a licence.*

В то же время в контексте русскоязычного разговорного дискурса хеджи правдоподобия могут быть выражены следующими средствами:

1) вопросительная частица *да?*

- *А, я хожу?*
- *Только ты берёшь две карты либо перекрываешь. Такой же.*
- *Такой же один в один, **да?***
- *Да.*
- *Блин, неудобно.*

2) частицы (*вроде, ли, типа, небось, навряд ли, похоже и др.*)

- *Где он?*
- *Не знаю, что спрашивал. Поняла только, что **типа** он сейчас придет.*
- *А он на машине что ли?*
- ***Вроде.***

Атрибутивные хеджи (attribution hedges) – это выражения, главным образом приписывающие содержание сообщения другому лицу, и лишь косвенно определяющие степень приверженности говорящего к данному выражению.

Согласно проведенному анализу, атрибутивные хеджи в большей степени характерны для русскоязычного разговорного дискурса. Это может говорить о том, что коммуникантам в рамках данной лингвокультуры в большей степени свойственно снимать с себя ответственность за последующие коммуникативные действия, «отгораживая» себя от потенциальных последствий. Однако в обоих сопоставляемых дискурсах данный подкласс хеджей выражен одинаковым набором средств:

1) сложные хеджи (*I understand from someone that..., from the way in which someone has been responding..., from what someone told..., etc.; no в-ашему мнению..., исходя их того, что... и др.*):

- *It sounds like an association. He would be able to find, they would be able to find out what they are. I'm talking about the unions.*
- *I mean the resources then.*

- *Yeah, he would be able to find out what type of union this is, or whether it's some establishment association, we try quite frankly, I, I, I think it is. **From the way this lady spoke it seems to me like, like a that, that sort of er organisation, from the establishment.***

- *Вот а давайте тогда сразу... сразу про меры. Что нужно сделать?*

- ***Исходя из того, что я сегодня услышал, производство и повышение производительности труда – невозможно.***

2) конструкции: *существительное / имена собственные / местоимение (чаще местоимения 2-го и 3-го лица) + глагол (to say, to tell, to mention, to promise, to think, etc.; сказать, утверждать, рассказывать, говорить, под-разумевать, считать и др.):*

- *Did Georgina reply?*

- *Erm did actually, yes.*

- *Yeah, cos when I phoned **she said** she's still quite interested.*

- *Mm. Yeah, I thought she was.*

- *Я сегодня Алёну встретила. **Сказала, что** в воскресенье к нам заглянут.*

- *Это хорошо.*

Таким образом, преграды – это самый часто употребляемый класс хеджей как в рамках англоязычного разговорного дискурса, так и русскоязычного. Однако если сравнивать процентное соотношение употребления данного класса в сопоставляемых дискурсах, то очевидно более частотное использование преград в англоязычном разговорном дискурсе, а именно разница составляет 20%. Стоит заметить и существующее расхождение в употреблении подклассов «хеджи правдоподобия» и «атрибутивные хеджи». Тогда как хеджи правдоподобия употребляются почти в равной степени в исследуемых дискурсах, атрибутивные хеджи встречаются в русскоязычном дискурсе в 3 раза чаще. Кроме того, необходимо упомянуть, что преграды реализуются различными лексическими и синтаксическими средствами, воздействующими на семантику высказывания.

Аппроксиматоры (approximators) – это класс хеджей, которые влияют на пропозициональное содержание, но не на отношение говорящего к пропозиции. Они изменяют семантическую структуру высказывания, указывая на прототипичность ситуации. Как и в случае с преградами (shields), аппроксиматоры делятся на два подкласса – *раундеры* (rounders) и *адаптеры* (adaptors). Оба этих подкласса встречаются, когда говорящий пытается соотносить действительную ситуацию с прототипической.

Основываясь на результатах проведенного анализа, можно сделать заключение, что в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе среди всех случаев употребления аппроксиматоров подавляющее большинство хеджей принадлежит подклассу *адаптеры*.

Стоит заметить, что в классе хеджей-аппроксиматоров, как и в классе хеджей-преград, наблюдаются определенные колебания между употреблением подклассов в сопоставляемых дискурсах. Так, адаптеры чаще встречаются в англоязычной разговорной речи (82,4% по сравнению с 65,9%), тогда как раундеры наоборот более частотны среди говорящих на русском языке (34,1% по сравнению с 17,6%).

Адаптеры (adaptors) указывают на прототипичность ситуации, изменяя первоначальную семантику высказывания. Для данного подкласса хеджей характерно несколько универсальных продуктивных средств выражения в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе:

1) аппроксиматоры качества (*something like, sort of, a (little) bit (of), some kind of, sort of, at least, in a sense, etc.*; более-менее, какой-то, каким-то образом, в принципе, в основном и др.):

- *Now listen ... sorry about that ... **sort of** concert at the end.*
- *Ah that's alright.*
- *But, we're definitely going now alright? So ... bye!*

- *Да я не стригся скока, месяцев восемь, наверно.*
- *Месяцев восемь?*
- *Да.*
- *Ну прилично, **в принципе**.*

2) наречия (*mostly, quite, enough, reasonably, usually, virtually, slightly, fairly, etc.*; довольно, прилично, достаточно, обычно, почти и др.):

- *I do recall four out of ten released.*
- *Mm, there was **quite** a lot of publicity given to that wasn't there?*
- *Yes, it was very good.*

- *Что делали? Как гуляли?*
- *Ну, на Масленицу, мы на Масленицу шибко-то не гуляли никак. Ну, **обычно** блины там пекли, всё это на Масленицу. Так. Жгли эту вот чучелу вот жгли, вот эту вот. Вот.*

3) суффиксы с оценочным значением (*-ish-*; *-оват-*, *-еват-* и др.):

- *One of the snags with the colours you mentioned, er was it red, er blue and green or **reddish** colour?*

- *Yes, rusty red.*

- ***Далековато** на учебу гонять?*
- *Я на «Набережной» учусь.*

Среди способов выражения адаптеров, специфических для англоязычного и русскоязычного разговорного дискурса можно выделить детерминативы (*some, whatever, etc.*) и прилагательные (*небольшой, немалый, подешевле и др.*) соответственно:

- **Some** toys you could get, the German prisoners used to make didn't they?
- I don't know, is that true?
- Yes, locally a lot of people got you know the, off the German prisoners of war used to make toys.

- Сначала эта история. Вот. Спускаешься на первый этаж со второго, внимание – то есть **немалый** путь преодолеваешь.
- Подходишь к принтеру и рассказываешь (ну, где-то в четырёхсотый раз), как же менять в нём картридж.
- Нет. Нужно было сделать драматическую паузу перед словом «картридж».
- Да, я попробую ещё раз.

Раундеры (*rounders*) указывают на то, что действительная ситуация является близкой, но не идентичной с прототипической. Настоящий подкласс указывает на диапазон, где понятия являются примерными / неточными. В англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе раундеры могут быть выражены следующими средствами:

1) аппроксиматоры степени / количества (*about, something like, around, several, a couple of, etc.*; *несколько, около, где-то, от силы, в районе, пара и др.*):

- So basically your moving in **about** four weeks time.
- No, we've got to exchange by then, we'll have done it by then.
- А вы что делали?
- Мы вышли на улицу с Катей, Ириной, Гулей, Наташей **около** девяти пошли в клуб. Весело провели время. Потом опять пошли гулять, но нас уже гораздо больше. В общем, домой зашли **около** двух ночи.

2) наречия частотности / времени (*somewhere, recently, usually, often, between, etc.*; *ближе, недавно, обычно, часто, где-то и др.*)

- Where they going?
- Erm ... forgotten now, **somewhere** rural Spain
- Oh god.
- В итоге, у него **где-то** четыре квартиры здесь, причем все у метро. Одн... две на Ку... вот здесь, на Кунцевской, одна на Павелецкой и ... а... ещё одна там где-то, ещё возле метро, короче, а так сами живут в Германии. Прикинь?
- Угу.

Беря в рассмотрение перечисленные выше универсальные средства выражения хеджей данного класса, необходимо упомянуть национально-специфические способы реализации. Так, раундеры в англоязычном разговорном дискурсе могут быть реализованы посредством:

1) конструкции: *колич. числ. + колич. числ.*

- *We just had a stall, didn't we?*

- *But it...*

- *Or was that last year what **seven or eight** of us wasn't it?*

- *At St Michael's?*

- *The church.*

- *Yeah.*

2) детерминатива (*few, several*)

- *Going back again to Dave's point about the foyer bar.*

- *Yes.*

- *I think I probably speak for er **quite a few** people in the audience at the moment but I myself who intimidated going in there cos of the clientele that seems to be attracted to it.*

Кроме того, стоит заметить, что в русскоязычной разговорной речи хеджи класса *раундеры* выражены с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов существительных, а также такой конструкцией, как *сущ. + порядк. числ.*:

- *Потом переехал сюда уже в Приморье обратно, ну, там работал, приехал сюда.*

- *В Хабаровске, да? Там в Хабаровске?*

- *Сюда переехал, здесь тоже **годик** отработал, пошёл в армию служить, после армии, ну вот попал в «Кафему» сюда, в компанию.*

- *Я сёдня утром тяжело встала. Завтра утром так же, наверно. Даже вот... даже отсутствие горячей воды уже вот такие эти вносит в график, уже вставать надо **минут на пятнадцать-двадцать** раньше.*

- *Я как с деревни приехал, так еще и ни разу не помылся.*

- *Кхм-кхм!*

Итак, в контексте класса хеджей-аппроксиматоров адаптеры, по сравнению с раундерами, явно преобладают в речи представителей обеих культур. Однако стоит отметить, что адаптеры почти на 20% встречаются чаще в англоязычном разговорном дискурсе, в то время как раундеры в 2 раза чаще употребляются говорящими на русском языке. Также необходимо упомянуть, что хеджи данного класса выражены лексическими и морфологическими средствами.

4. Заключение

Таким образом, результаты проведенного нами анализа демонстрируют, что как в англоязычном разговорном дискурсе, так и в русскоязычном наиболее часто употребляемый класс хеджей – это *преграды*

(shields), превалирующим подклассом которых является *хеджи правдоподобия* (plausibility hedges). В рамках класса *аппроксиматоры* (approximators) доминируют *адаптеры* (adaptors), тем самым занимая вторую позицию по частоте использования в обоих дискурсах. К наименее востребованным подклассам хеджей относятся *раундеры* (rounders) и *атрибутивные хеджи* (attribution hedges). Однако стоит отметить, что в условиях равного иерархического распределения подклассов хеджей по их частотности употребления, при сопоставлении процентного соотношения хеджей в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе прослеживаются определенные колебания. Так, по сравнению с англоязычной разговорной речью, раундеры и атрибутивные хеджи чаще наблюдаются в русскоязычной, что говорит о наличии национально-специфических особенностей коммуникации.

Также исследование показало, что хеджирование в сопоставляемых дискурсах выражается посредством целого ряда морфологических, лексических и синтаксических средств. Выявление средств реализации хеджирования позволяет определять характер и степень воздействия хеджей на высказывания как говорящего, так и слушающего, а также помогает понять коммуникативно-прагматические особенности разговорной речи в рамках сопоставляемых лингвокультур на более глубоком уровне.

Список литературы

Власян, Г. Р. Хеджирование как способ гармонизации общения в процессе социального взаимодействия / Г. Р. Власян. – Текст : непосредственный // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: сб. материалов III конф. PMMIS (Post massmedia in the modern informational society), Челябинск, 28–29 марта 2019 г. / под общ. ред. М. В. Загидуллиной. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. – С. 74–77.

Дегальцева, А. В. Особенности функционирования в разговорной речи модели N1 – (это) Adv-о с предикатом – оценочным наречием / А. В. Дегальцева, М. А. Кормилицина. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 239–245.

Михалева, Е. И. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе / Е. И. Михалева, И. В. Пушнина. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 1 (45). – С. 113–124.

Ручкина, Е. М. Хеджирование как лингвистическое средство минимизации речевого конфликта в английском и русском языках / Е. М. Ручкина. – Текст : непосредственный // Международный научный институт “Educatio”. – 2015. – № 9. – С. 22–27.

Харченко, В. К. Современная повседневная речь / В. К. Харченко. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 184 с. – Текст : непосредственный

Adolphs, S. Spoken Corpus Linguistics: From Monomodal to Multimodal / S. Adolphs, R. Carter. – Текст : непосредственный // *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2015* / Ed. by J. Romero-Trillo. – London : Routledge, 2013. – P. 307–312.

Boginskaya, O. A. Functional categories of hedges: a diachronic study of Russian research article abstracts / O. A. Boginskaya. – Текст : непосредственный // *Russian Journal of Linguistics*. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 645–667.

Gribanova, T. I. Cognitive foundations of hedging / T. I. Gribanova. – Текст : непосредственный // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. – 2022. – № 3 (858). – С. 23–29.

Hübler, A. Understatements and Hedges in English / A. Hübler. – Amsterdam : John Benjamins, 1983. – 192 p. – Текст : непосредственный.

Kaltenböck, G. New Approaches to Hedging / G. Kaltenböck, S. Mihatsch, S. Schneider. – Текст : непосредственный // *Studies in Pragmatics*. – 2010. – № 9. – P. 289–304.

Lakoff, G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff. – Текст : непосредственный // *Journal of Philosophical Logic*. – 1973. – № 2. – P. 458–508.

Leech, G. N. Corpora and theories of linguistic performance / G. N. Leech // *Directions in Corpus Linguistics* / Ed. by J. Svartvik. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1992. – P. 105–122.

Prince, E. On Hedging in Physician-Physician Discourse / E. Prince, J. Frader, C. Bosk. – Текст : непосредственный // *Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies*. – Norwood, NJ : Ablex, 1982. – P. 83–97.

Vlasyan, G. R. Linguistic Hedging in Interpersonal Communication / G. R. Vlasyan. – Текст : непосредственный // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. – 2019. – Volume LXVI. – P. 617–623.

Vlasyan, G. R. Hedging strategies in the American talk show discourse: types of hedges / G. R. Vlasyan, E. M. Petrova – Текст : непосредственный // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. – 2022. – № 9(467). – С. 38–43.

Zadeh, L. Fuzzy sets / L. Zadeh. – Текст : непосредственный // *Information and Control*. – 1965. – № 8. – P. 338–353.

Получена: 17.04.2023

Принята: 13.05.2023

LINGUISTIC HEDGING IN CONVERSATIONAL DISCOURSE: WAYS OF EXPRESSION

E. M. Petrova

Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
p.elena_98@mail.ru

Abstract. The article deals with the phenomenon of linguistic hedging and its means of linguistic expression in English and Russian spoken discourses. The research data for this investigation is a multilingual corpus of spoken dialogues extracted from the British National Corpus and the Russian National Corpus. Methods of corpus linguistics and linguistic description are used to conduct a comparative study of hedging usage in the discourses under consideration. A corpus-based study proves that various morphological, lexical, and syntactical means can function as hedges in the English and Russian spoken discourses. Also, the analysis of the frequency of hedging usage shows that shields are the most frequently used class of hedges in both discourses. However, the article reveals that shields are 20% more common among English-speaking interactors. In addition to this, this study outlines the major differences in the frequency of usage of such classes as plausibility hedges and attribution hedges.

Keywords: linguistic hedging, approximators, shields, means of linguistic expression, English spoken discourse, Russian spoken discourse

Acknowledgment: This article is published with the support of the Chelyabinsk State University grant "Foundation for Support of Scientific Initiatives"

References

Adolphs, S. & Carter, R. (2013). Spoken Corpus Linguistics: From Monomodal to Multimodal. In J. Romero-Trillo (Ed.), *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2015* (pp. 307–312). London: Routledge.

Boginskaya, O. A. (2022). Functional categories of hedges: a diachronic study of Russian research article abstracts. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 645–667.

Degal'tseva, A. V. & Kormilitsyna, M. A. (2020). Osobennosti funktsionirovaniya v razgovornoy rechi modeli N1 – (eto) Adv-o s predikatom – otsenochnym narechiem [Functioning features of the N1ADV-O model with the predicate expressed by the evaluative adverb in colloquial speech]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2, 239–245.

Gribanova, T. I. (2022). Cognitive foundations of hedging. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 3 (858), 23–29.

Hübler, A. (1983). *Understatements and Hedges in English*. Amsterdam: John Benjamins.

Kaltenböck, G., Mihatsch, S. & Schneider, S. (2010). New Approaches to Hedging. *Studies in Pragmatics*, 9, 289–304.

Kharchenko, V. K. (2010). *Sovremennaya povsednevnyaya rech'* [Modern Everyday Speech]. Moscow: Izd-vo LKI.

Lakoff, G. (1973). Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2, 458–508.

Leech, G. N. (1992). Corpora and theories of linguistic performance. In J. Svartvik (Ed.), *Directions in Corpus Linguistics* (pp. 105–122). Berlin: Mouton de Gruyter.

Mikhaleva, E. I. & Pushinina, I. V. (2022). Pragmaticheskie osobennosti khedzhirovaniya v akademicheskom diskurse [Pragmatic use of hedging in academic discourse]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, 1 (45), 113–124.

Prince, E., Frader, J. & Bosk, C. (1982). On Hedging in Physician-Physician Discourse. In *Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies* (pp. 83–97). Norwood, NJ: Ablex.

Ruchkina, E. M. (2015). Khedzhirovanie kak lingvisticheskoe sredstvo minimizatsii rechevogo konflikta v angliyskom i russkom yazykakh [Hedging as a linguistic means of minimizing speech conflict in English and Russian languages]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy institut "Educatio"*, 9, 22–27.

Vlasyan, G. R. (2019). Khedzhirovanie kak sposob garmonizatsii obshcheniya v protsesse sotsial'nogo vzaimodeystviya [Hedging as a Way to Harmonize Communication in the Process of Social Interaction]. In M. V. Zagidullina (Ed.), *Zhurnalistskiy tekst v novoy tekhnologicheskoy srede: dostizheniya i problemy: sb. materialov III konf. PMMIS (Post massmedia in the modern informational society)* (pp. 74–77). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.

Vlasyan, G. R. (2019). Linguistic Hedging in Interpersonal Communication. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, LXVI, 617–623.

Vlasyan, G. R. & Petrova, E. M. (2022). Hedging strategies in the American talk show discourse: types of hedges. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467), 38–43.

Zadeh, L. (1965). Fuzzy sets. *Information and Control*, 8, 338–353.

Submitted: 17.04.2023

Accepted: 13.05.2023

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объём сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лаккофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Сукошников, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорне [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт VGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется

апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

U	A (%)	B (%)
X	8	14,6
Y	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60– 67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252– 265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling’s Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

- Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motives as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.
- Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistik*, 1, 60–67.
- Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhekulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.

Бланк согласия на обработку персональных данных

СОГЛАСИЕ
на обработку персональных данных

Я, _____, нижеподписавшийся

_____
фамилия, имя, отчество

проживающий _____ по _____ адресу

_____
индекс, область, район, населенный пункт, улица, дом, корпус

_____
документ, _____ удостоверяющий _____ лич-
ность _____

_____
название, серия, номер

_____
кем и когда выдан

в соответствии с требованиями статьи 9 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, подтверждаю свое согласие на обработку Нижнетагильским государственным социально-педагогическим институтом (филиалом) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (далее – НТГСПИ) моих персональных данных, включающих:

- фамилия, имя, отчество;
- дата рождения;
- образование;
- профессия;
- место работы;
- данные паспорта;
- место фактического жительства и домашний телефон;
- адрес электронной почты.

Я не возражаю против включения в общедоступные источники следующих моих персональных данных:

- фамилия, имя, отчество;
- образование, специальность;
- место работы;
- адрес электронной почты.

В период действия соглашения я предоставляю работникам НТГСПИ право осуществлять любое действие (операцию) или совокупность действий (операций), с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ).

Я оставляю за собой право отозвать свое согласие посредством составления соответственного письменного документа, который может быть направлен мной в НТГСПИ по почте заказным письмом с уведомлением о вручении.

Я осознаю, что в случае отзыва согласия на обработку персональных данных работниками НТГСПИ вправе продолжить обработку персональных данных без моего согласия при наличии оснований, указанных в пунктах 2-11 части 1 статьи 6, части 2 статьи 10 и части 2 статьи 11 настоящего Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Настоящим заявлением я подтверждаю достоверность предоставленных мной сведений.

Настоящее согласие дано мной « ____ » _____ 20__ г.

Подпись субъекта персональных данных _____